

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Полковник Гуров

Николай Леонов

Смертельный звонок

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Смертельный звонок / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-197728-3

Легендарный детективный тандем Леонов – Макеев. В обычной квартире небольшого поселка прогремел взрыв. Погиб муж, жена получила тяжелые ранения, ребенок чудом уцелел. Версия полиции – в квартире взорвался самогонный аппарат. Однако полковники МВД Гуров и Крячко выяснили, что причиной трагедии стало самодельное взрывное устройство большой разрушительной силы, упакованное в корпус смартфона, который жена нашла на улице. Что это – чья-то злая шутка или спланированное покушение? Сыщики понимают, чтобы решиться на такой шаг, нужно иметь веские причины. Например, зависть или... неразделенная любовь... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197728-3

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Смертельный звонок	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	55
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Макеев, Николай Леонов
Смертельный звонок
Сборник

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Смертельный звонок

– Все, сил моих нет, – заявила Мария. И отбросила в угол тощую брошюрку.

Полковник Гуров, Лев Иванович, удивился, отставил бокал. Выходные шли так безмятежно, последняя премьера была неделю назад, принята блестяще до такой степени, что даже супруга – требовательная прежде всего к себе – заявила, что «вполне сносно».

И тут явное недовольство, более того... никак гнев?

Такую сдержанную, эмоционально устойчивую даму, как жена, во всем свете не сыскать. Следовательно, для подобной экспрессии должны быть серьезные причины. Было бы любопытно их узнать, но если начать задавать уточняющие вопросы, то нарвешься на грубость.

Разумное решение одно, апробированное годами брака: выдержать молча от нескольких минут до пары часов, сохраняя вид вежливо-заинтересованный – и если что имеется, то оно прозвучит. Расчет оправдался совершенно: Мария, походив по столовой туда-сюда, как тигрица в клетке, презрительно посверлила огненным взглядом банальный заоконный пейзаж. Мельком глянула в зеркало, точным, единственно возможным движением поправила локон. Тяжко вздохнула. Подобрала брошюрку – лишь для того, чтобы шваркнуть на диван. Наконец, сняла с держателя бокал, щелкнула по нему ноготком:

– Пусто, Гуров. Что, ворон считаем?

Лев Иванович, супруг опытный, храня одновременно полное, почтительное молчание при заинтересованном виде, поднялся, плеснул в хрусталь развязывающего язык колдовства.

– ...Распоследний мой враг не назовет меня придирчивой, непокладистой. Так?

– Абсолютно.

– И ты, как никто иной, в курсе, что я мирная женщина, способная многое понять и простить.

– И сие никаких сомнений не вызывает.

– Да. Мне категорически все равно, когда приходится ждать официанта полчаса, колотя в кастрюлю. Я выдерживаю очередь к банкомату, безмолвно терплю досмотры даже после ночных перелетов, пусть даже во Владивосток. Я, в конце концов, не ору, когда любимый супруг забывает в раковине бокальчик-другой-третий.

– Ты святая женщина.

Мария согласилась:

– Да, это верно, но не совершенно. Я никогда, никогда не смогу понять и простить, когда продюсер с серьезным видом на серьезных же щах вручает мне вот это, – произнесено с брезгливым жестом, безошибочно увязанным к словам, – и таинственно утверждает, что «вот это» есть психологический шедевр, который будет ставить сам...

Она назвала самое громкое имя кинематографа.

– Я звоню «самому», тактично интересуюсь, в самом ли деле он считает это, – жест повторный, с увеличенной долей презрения, – шедевром, достойной тратой времени. И он, представь, как о деле решенном: разумеется, старушка, само собой! Это, знаешь ли, будет бомба!

И замолчала.

– То есть дрянной сценарий, – пытаюсь зреть в корень, уточнил супруг.

Казалось бы, просто так спросил, резюмировал услышанное. Однако Мария, женщина-динамит, взвилась до небес:

– Да не сценарий это! Жвачка, пережеванная неоднократно, прилепленная в прошлом году к облезлой скамейке в парке! – Она, скривив губы, издевательски проямлила: – «На что способна обиженная женщина»... если дура, то сиганет с балкона, нет – столкнет сама. Кто смотреть это будет, решительно не понимаю.

– Смотреть на тебя будут, – напомнил Гуров, – а ты можешь все.

– Не все, – воспротивилась Мария, любительница точности, – хотя и многое. Вопрос в другом: почему я должна вытаскивать глупый сценарий? Ведь это то, что тысячу раз сыграно-переиграно и отпародировано до гладкого состояния! До лысины затертые идеи, события...

Дождавшись перерыва в потоке негодования, супруг указал на еще одно важное, по его мнению, обстоятельство:

– Любимая, видишь ли. В жизни-то не так, как у вас, это вы, творцы, теням идеи придаете, а так-то под солнцем ничегошеньки нового не происходит. Сюжеты со времен пещер и мамонтов – одни и те же: и жизнь, и слезы, и любовь.

Мария вспыхнула, от нетерпения аж пальцами прищелкнула:

– Умник! Киновед, историк искусства, ха! Ну давай, поведай мне, что со времен Шекспира не изменилось ничего.

– Нет, почему же, изменилось, – кротко подхватил супруг, – технически изменилось. Нужды нет ведьм изыскивать, в котлах зелья смертоносные варить. Хотя...

На этом пассаже требовалась интригующая пауза, и воспользовался ею Гуров мастерски, дождавшись, что Мария не выдержит, поинтересуется:

– Продолжение будет?

– Будет, хотя не факт. Плохое повторяется, вот хорошие события – они, бывает, не походят друг на друга.

Мария потребовала:

– Все, закончили с банальщиной! Или я лично сейчас внесу разнообразие в историю криминалистики.

С немалой долей мечтательности возвела глаза, проговорила, точно пробуя слова на вкус:

– Супруга-актриса в состоянии аффекта наносит тяжкие телесные мужу – важняку...

А между прочим, так-с! Что-то в этом есть...

– Мотив? – поинтересовался Гуров.

Поразмыслив, супруга признала, что с этим у нее всегда туго.

– И не только у тебя.

– Оставим скучное, – предписала она, – может, и просто так, без причин.

– Такого не бывает.

– И пусть. Но видишь, тебя зацепило! – победоносно констатировала Мария. – Вот, начинаешь размышлять и сомневаться.

Лев Иванович деликатно заметил:

– Я в любом случае должен сомневаться и размышлять. Профессия такая.

– Значит, стоящая идея! А вот это, – вновь обличающий перст в злосчастную брошюрку, – не порождает ничего, кроме желания размять и пристроить в общественную уборную.

– Ну так возьми и придай пустоте смысл, – улыбнулся супруг, – тебе не привыкать. К тому ж и с жизненным опытом не поспоришь, даже заманчиво: первоначально все кажется предельно ясным, банальным – а на поверку выливается в неслабый такой компот.

– Нередко то, – с сомнением протянула Мария, но по выразительному лицу ясно было, что идея ее зацепила, – что кажется самоочевидным, имеет причины глубокие и такие серьезные, что...

– Нда-а-а...

И вновь после паузы Мария решила напомнить о себе:

– «Нд-а-а», и что? Что стряется-то?

Муж отозвался, по-прежнему покладисто:

– Если будешь слушать, то стряется. Что хочешь, то и будет. Или ничего, переживания, разочарования и гнев, или история о том, как банальщина показывает свои толстые замшелые корни, в виде мандрагор. Есть желание?

И, получив заверение, что время потрясающих историй таки настало, начал так:

– Так. При некоторых обстоятельствах звонит мне Сергей Зубков, участковый с поселка Мокша. Помнишь его?

– Как же, на редкость понятливый и милый мент-шофер, такой голубоглазый блондинчик, с щербинкой.

– Понятливый – потому что немедленно тебя узнал и выпросил автограф, а милый – потому что тотчас принялся мести перед тобой хвостом? – уточнил Гуров.

Она скорчила гримаску.

– Он самый, – подтвердил муж, улыбнувшись, – да, к тому времени он снова стал участковым. Уж куда делся предыдущий, мне неведомо, но рискну предположить, что послал все и вся к чертям и ушел в управдомы. Или в укротителя змей и крыс, что более возможно.

Мария потеряла ручки:

– Погоди, погоди, Лева. Сдается мне, прямо сейчас будет правда жизни?

– Обжигающая, – пообещал Гуров, – дистиллированная.

– Скучно, должно быть?

Подумав, Лев Иванович признал, что вряд ли.

Хотя...

Глава 1

– Итак, мы со Станиславом Васильевичем в поте лиц трудимся на месте происшествия. Крошечный городок, скорее даже поселок, потрясенный до фундаментов. Оцепление, расстроенные граждане, пожарные и газовщики. Кое-где зарождаются очаги негодования, это и понятно – ведь не приграничные территории, не Кремль и даже не Москва-Сити, и поди ж ты, рвануло среди бела дня.

– Даже так.

– Именно. В общем, идет нормальная работа. И тут мне на телефон поступает звонок со знакомого номера...

...Поселок городского типа Мокша (год основания – 1900-й) со времени окончания строительства железной дороги прозывается по одноименной станции означенной дороги, та, в свою очередь, – от имени соответствующей речки.

Две тысячи восемьсот человек населения, узловая платформа, канал Москва – Волга. Две фабрики. Поскольку угораздило приезжих бусурман – немецких фабрикантов основать производство на Клинско-Дмитровской гряде, теперь поселок представляет собой сплошные горы. И в этой связи тоже проста, незамысловата тут жизнь человека: с утра под горку бодро – на работу, вечером, не без труда – в горку с работы.

Неестественная ситуация, вообще-то положено наоборот. Поэтому немалой популярностью пользуются небольшие заведения, реализующие подкрепляющие напитки. Их много, они разнообразны: и официальные разливайки, и те, что стыдливо прикрываются вывеской «кофе с собой», и частные шланбои самогонщиков, и, разумеется, стандартные магазины «у дома» с реализацией спиртного в любое время дня и ночи.

Обилие точек с горячительным обуславливает размеренность и патриархальность труда поселкового участкового, совмещающего в себе функции сомелье (иначе как расценить ценные рекомендации наподобие: «не стоит, Иваныч, сегодня тебе водочку на пивко укладывать»), и психолога («понимаю, непросто, но не повод же лупить монтировкой по окнам»), и медиатора («а теперь дружно ручки горе и разошлись по домам, иначе сделаю несчастье»), и кого угодно.

Весь день имеет место спокойная, неторопливая работа, обходы и купирование стихийно образовавшихся казусов. Их, как правило, немного. С утра те, что возвращаются с ночных смен – с Шереметьево или со складов, – шалить не настроены, им бы доползти до кроватей и рухнуть. К вечеру же, особенно по пятницам, народ активизируется.

Дни выдаются иной раз насыщенные, особенно в теплое время, когда тянет на подвиги и походы. Но и тогда фронт работ предсказуемый: традиционная буза у магазина со спиртным, война и мир в отдельно взятой коммуналке, воспитательное внушение местному сопляку-зацеперу. Вот лишь развращенные реалии вносят коррективы: все чаще приходится и участковому трещать по кустам, отлавливая знакомых закладчиков, делать тысяча первое китайское последнее предупреждение – и, натурально, отпустить.

Пока доскачешь с папочкой до лесополосы, где злодеи закладки распихивают – глядь, а там уж нет никого, а если и есть, то на руках пусто, что у курьеров, что у «клиентуры».

Просто дети просто гуляют, а что глаза в разные стороны – так это надышались воздухом с непривычки (и вообще, что вяжеться, в кои-то веки ребенок из-за компьютера на пробежку встал), а что пакет с порошком под старым пнем – так то еще зловредный ганс в сорок первом потерял. В этом направлении помогает лишь почаще мелькать дружелюбным призраком и ныть мужикам из ППС о том, чтобы патрулировали по просекам, местным садовым товариществам и по вырубкам под линиями ЛЭП.

Вот, еще в свете последних событий приходится шарить по чердакам и подвалам в поисках тех самых подозрительных предметов, о которых, не трогая, надлежит немедленно сообщать.

щать в полицию. Поступают сигналы бдительных старушек и молодых остроглазых мамаш – и это правильно, времена такие, что лучше пере-, чем недобздеть.

Так-то поселок Мокша тишайший, с учетом того, что имеют место два производственных предприятия, хостелы для приезжих, оживленный транспортный узел. Или, может, и благодаря.

Те, кто предпочитает трудиться в столице, отчаливают с места регистрации с первыми петухами, возвращаются поздно, и сил хватает лишь доползти до кроватей. Патриоты, трудящиеся на местном производстве – легендарном Мокшанском снаряжательном заводе и фабрике электрокомпонентов, – сутки-трое отпахав, предпочитают выпить по чуть-чуть, ровно столько, чтобы вползти на родную горку и тоже улечься спать.

Немаловажно и то, что все друг друга знают чуть не с роддома, чужаки в коллектив вливаются с трудом, спустя год-два, а то и десять, а до того они все на виду, как на ладони. Ясное дело, трудящиеся с братского Востока, обитающие тут, в хостеле, или снимающие квартиры, при всем желании за своих не сходят, и потому их маршруты изучены до метра, а любое отклонение порождает сигнал участковому.

Мокшанский же участковый уполномоченный, младший лейтенант Зубков Сергей Юрьевич – чуткий и внимательный, грамотный сотрудник... ладно, ладно, все куда проще. Дело не столько в деловых качествах, не в чуткости или, там, особом умении кому-то в душу влезть. Скорее, в том, что для населения он никакой не товарищ участковый, а Сережа, Серега, Юрьич (зависит от возраста обращающегося), свой в доску, мокшанский во всех обозримых поколениях. (Возможно, кто-то из пращуров и был пришлым, но за давностью лет простиительно.) Главное то, что Зубков свой, ему доверяют и охотно сотрудничают.

К тому же он обладает множеством качеств, для участкового необходимых: колоссальное терпение, умение ждать, миролюбие, неявное упрямство, умение слушать. К тому же белобрысый, курносый, улыбчивый, щербатый, глаза синие-пресиние, понимающие и чистые, как у умной дворняги – внешность у него весьма удачная, для женского пола приятная и не раздражающая мужской.

Есть лишь один момент, который создает напряжение между своим в доску участковым и населением, – это поля гаражей. Собственно, это не столько гаражи, сколько сараи. Или доты, если судить по крошечным оконцам под крышами этих приземистых строений.

Гаражей-сараяв море, они занимают площадь, сопоставимую с третью всего поселка. Сплошное поле. Торчат, как поганки, иные свежеевыкрашенные, другие – брошенные, замшелые, уродливые, с крошечными входами-амбразурами, и между ними петляют извилистые проходы, не все проезжие. Линия Маннергейма подмосковного пошиба.

Происхождение этой частной собственности туманно. Известно лишь то, что с незапамятных времен подобные сараи выделялись трудящимся. Конечно, не для размещения личного автотранспорта, столько его тут отродясь не было, и в стандартную дверь не проедет ничего, кроме не особо рогатого велосипеда или мопеда. Скорее, это кладовка для различного хлама. Поселок застроен бывшими фабричными казармами, переделанными под жилье, и пятиэтажками, балконы есть не у всех. Так что в этих гаражах хранят кто картошку, кто самогонку. Соленья складывают из года в год, сваливают хлам, который жалко выкинуть. Некоторые сараи переоборудованы под «дачи», в которых по пятницам-субботам жарят шашлыки, распивают по-тихому. Тут же ночуют мужики, выставленные с места прописки за пьянку, – и такое бывает, но нечасто, планировка не позволяет. Стандартный размер такого «гаража» – четыре на пять, если не позаботился прирезать сарай давно помершего соседа или просто растяпы.

Вот такой шанхай на Серегиной территории. Более того, вопрос о том, кто хозяин того или иного сарая, – неисследованный и больной. Кому-то они объективно принадлежат, ведь чьи-то руки их красят, косят наступающие кусты-травы, обороняют от чужих посягательств.

Ведь сколько раз покушались на эти строения. Пытались снести, расчистив площадку для новостроек под расселение – дело чуть не кончилось бунтом, после чего вопрос похоронили.

На заре возрождения производств ушлые капиталисты, установив путем наблюдения гаражи заброшенные, попытались организовать тут общаги для своих рабов.

Подогнали уже автобусы, выгрузили народ с матрасами – и тут сараи, которые во все остальное время были поводом пособачиться между собой и с участковым, дали повод сплотиться.

Органы правопорядка в лице Зубкова и равнодушное население в лице немедленно появившихся хозяев решили миграционный кризис менее чем за полдня: упоминания о депортации в двадцать четыре часа оказалось достаточно для того, чтобы пришельцы дали деру на своих двоих, не дожидаясь подачи транспорта.

Однако это было исключение, нестандартный случай.

В остальное время поля гаражей – целый микрорайон под высоковольтными линиями – натягивали нервы Сереге Зубкову. Никто не знает, что там за разнообразными дверями. Постоянно зудело предчувствие, что вот-вот сверху спустят директиву их все проверить – и тогда крупномасштабный каюк спокойной жизни. Работы тут не на один месяц, к тому же не все хозяева известны. Да и как отыскать их, настоящих, если в большинстве случаев право собственности подтверждается тем, что «все знают, что мое». Между тем, если «общеизвестные» хозяева на просьбу открыть сарайку просто пошлют куда подальше, с чем идти к прокурору? Документов-то о праве собственности нет. Да и по каждому такому доту не наездишься за санкцией на вскрытие.

Буквально на днях участковый Зубков, морщась, как от дупла в зубе, обследовал один из таких сараев. Инспекторского визита потребовала гражданка-заявительница, обычно спокойная, но не теперь. Суть претензии состояла в том, что из соседнего гаража имели место выбухи, провоцирующие обвалы, и все потому, что тамошние «собственники», интеллигентия безрукая, безгородная, давно подкапывалась к ее, гражданки, картофелю, который с прошлого года бережно хранится в подполе.

Зубков тосковал хотя и отчаянно, но деликатно. Оглядывая довольно-таки свежую внутреннюю отделку, крепкие стеллажи, роптал про себя: «Вот ведь кулачье. Вон ведь полки под потолок, заставленные снедью, – все заготавливается, сохраняется на черный день, а он, подлец, никак не наступит».

Об этом свидетельствуют целые и сохранные банки с нашлепками: «2020», «2021», «Разное», «Обрезь», «Не помню?!». Где-то, судя по запаху, тихо, безропотно помирала бочка с квашеной капустой или мочеными яблоками. Ну вот кому собирает? Ведь все в компост пойдет.

Между тем заявительница, открыв подпол, тыкала артритным пальцем:

– Сам смотри.

– Смотрю.

– Видишь отвал?

– Нет.

– Разуй глаза. Это с той стороны срыто. Подзорвано и срыто.

Серега с трудом подавил зевок – ну да, ну да. В соседнем гараже автомастерская и шиномонтаж, Ленька Белов старается, полудурок рукастый и тихий. Делать ему нечего, кроме как до чужой картохи докапываться. Однако, чтобы не провоцировать гражданку на лишний ор, участковый сделал вид, что внимательно и скрупулезно осматривает подпол. Вот-вот, они еще и подполы умудряются тут выкапывать, метра по три вниз – благо грунтовые воды высоко, поселок-то на холмах. С одной стороны, неплохо, но с другой – никак не списать этот отвал на эти самые воды. При этом ничем иным не объяснишь въедливой гражданке, по какой причине разрушается стена ее «подпола».

И все-таки опытный Зубков попытался:

– От времени не то бывает.

– Не бывает, – отрезала заявительница, – еще папа мой строил, сразу после войны, из качественных подручных материалов.

И снова нашелся искушенный инспектор:

– Допустим. Но из чего следует, что имело место похищение сельхозпродукции?

Заявительница возмутилась:

– Как же с чего? Вот же отвал, то есть подкоп. Ты зрячий?

– Это еще ничего не доказывает, – твердо, ничем особо не рискуя, заявил Зубков, – пусть имеет место некоторый отвал грунта, но это еще не доказательство посягательства на вашу собственность. Чтобы делу ход дать, мне необходимы точные указания с вашей стороны: сколько было картофеля, сколько стало, материальные то есть свидетельства убыли. Иначе может получиться клевета.

Кляузная гражданка прищурилась:

– Каких же тебе доказательств нужно, товарищ участковый? Мне что, вывалить все и пересчитать по картофелине?

Сергей, стараясь говорить официально – он уже понимал, что дело идет к апелляциям к его возрасту и давнишнему знакомству с ним и его темным прошлым, – веско заявил:

– Это, положим, целиком на ваше усмотрение, не в моей компетенции. Наверняка вы сможете ориентировочно сообщить средний вес мешка, заложенного на хранение изначально, и сообщить, что осталось теперь...

Тетка взбеленилась и завела. Сообщила, что он, лейтеха-молокосос, был известен ей еще «во-о-от такусеньким». Посетовала, что зря она спасла его, мелкого мерзавца, подавившегося пустышкой. Заявила, что, если б можно было бы, снова взялась за крапиву, точь-в-точь как тогда, когда он, Зубков, впервые нажрамшись, испакостил ей палисадник под окнами...

Сергея слушал вполуха, лишь изредка краснея, – стыдновато, но к таким экскурсам в собственное темное прошлое он привык.

Такова уж черная обратная сторона оседлости. Ведь Зубков отлучался из родной Мокши только в армию сходить, а по демобилизации легкомысленно согласился пойти «послужить». Опомнившись, попытался поспорить с судьбой, поработал дежурным, шофером, какое-то время шабашил, монтируя видеонаблюдение, усилители интернет-сигнала, – и все-таки все вернулось на круги своя.

Против рожна не попрешь, и снова Серега Зубков с черной папкой под мышкой ходит по дворам, пашет папой Карло, охраняя родной поселок от преступных посягательств, душа гидру эту, пока маленькая.

Впрочем, некоторые дела вполне можно деликатно отодвинуть за ненадобностью, к тому же обедать пора. Отделавшись-таки от кулачки-заявительницы, Серега решил, что пора закончить дневной обход и перекусить, с тем и отправился к дому.

Он выбрал путь вдоль улицы, саркастично названной Ровной, – с одной стороны ее имел место глубокий овраг, который в советские непрехотливые времена сходил за горнолыжный спуск, на волне роста экологичности внезапно стал природным заказником, в коем произрастала некая уникальная флора, какой-то удивительный сорняк-эндемик. Несознательные граждане по старой памяти тут порой распивали, поэтому Сергей, проявляя корпоративный дух, подменял экологическую полицию, разгоняя бражников с охраняемой территории.

Прошел далее через два местных квартала «блатных» домов – так именовали «новые» пятиэтажки (возведенные в 1990-е), в отличие от старых «канальских» (построенных в 1930-е), в которых издревле обитали рабочие и инженеры, обслуживающие ближайшие сооружения канала имени Москвы. Проследовал мимо старого, довоенного детского сада – развалин, по сути, в которых пытались обосноваться люмпен-пролетариат и деревенские наркоманы.

Прочесав и эту проблемную локацию, Сергей отправился далее, миновал детский сад, новый, недавно выстроенный, сверкающий свежей побелкой.

И тут глаза резанул нестерпимый, яркий блеск, коим отличалась Нинка, которая выгуливала свою славную толстую Ляльку, она же Регина. Красавица эта, дородная, пышная, мазнула влажным карим глазом и сделала ручкой:

– Салют, Серый.

– Привет, Лайка, – ответствовал Серега, у которого сработало сразу два условных рефлекса: заиграла в ушах песня «Наводчица» в исполнении Владимира Семеновича Высоцкого, ну и сердце ухнуло в пятки.

Ибо, на его вкус, Нина Романова, в девичестве Лайкина, была и оставалась самой удивительной, блистательной в поселке сначала девочкой, потом девчонкой, теперь вот бабой или женщиной – зависит от воспитания. Местная звезда, о ней с детства легенды слагали, рассказывали всякое, одна история чуднее другой. Резюме, впрочем, укладывалось в строчки Высоцкого, пусть современность и развитие разного рода технологий вносит коррективы. Нет у Нинки ни подбитых глаз, и ноги вполне достойные, не разные – в общем, несмотря на бурную и нездоровую молодость (или благодаря ей), на Серегин взгляд, Нинка по-прежнему ослепительна.

Сказать по правде, просто смазливая бабенка, глазки у нее – не глазки, буркалы, рот до ушей, а уж если задеть, то ведет себя просто как базарная хабалка. Более искушенный не нашел бы ничего особенного в этой невысокой, приземистой особе, с фигурой, уже порядком оплывшей, как свечка, хотя до сих пор с изгибами и выпуклостями строго в надлежащих местах. Осанка, впрочем, имеется, и подбородок, хотя и властный, но изящный, и лицо, пусть и краснеет свеклой от малейшего волнения, но правильное.

Однако Серега Зубков с детства отличался еще одним талантом: особым зрением. Он в людях умел видеть лишь то, что хотел. И в данном случае видел единственные в мире глаза, полные материнской нежности и любви, блестящие, пронизывающие и умиляющие; видел изящный ротик, в котором пленительного и чарующего куда больше, чем во всех ртах мира; видел не вздорность, а...

В общем, по-прежнему видел в этой фигуристой крикливой особе девочку с толстыми, как у куклы, смоляными косами, огромными пышными бантами, в гольфах с помпонами и в пышном платице. Прошли те времена, когда он имел право по-свойски отвешивать ей люлей по ситуации, а то и мячом в пятак, если жульничала в вышибалы, поджидать на безопасном расстоянии от зубоскалов, чтобы отобрать и поднести портфель.

От прошлых панибратских отношений остались лишь клички – Серый и Лайка.

– Вы из садика? – поинтересовался Сергей, вручая Ляльке леденец.

– Нет, мы гуляли, – объяснила Нина, лакомство отбирая, – педиатр говорит, у нас лишний вес и нам нужен моцион.

Лялька, которая, лишившись конфеты, надулась, к тому же пустая болтовня ребенку надоела. Она протянула Зубкову обе ладохи и, не думая здороваться, приказала:

– На ручки.

Разумеется, участковый беспрекословно усадил уставшую малолетнюю Романову себе на шею, а старшей по старой памяти предложил:

– Сумку-то давай, тяжелая.

– Ничего.

В гору они побрели все вместе, поскольку проживали теперь хотя и не дверь в дверь, но в соседних домах. Серега все косился, пытаясь разглядеть Нинин профиль, так что мелкая Лялька, потеряв терпение, дернула его за уши.

– В сосняке гуляли? – спросил он, сделав вид, что это ничего.

– Нет. Там, – она выдержала паузу, плавно повела рукой, – за каналом...

В голосе у нее прозвучали такие тайна, надрыв и ностальгия, что у Сереги аж лицо пере-
косило, как от кислого.

«Ну не надоест ведь. Опять за свое», – но привычно сдержался и спросил вполне есте-
ственно, заинтересованно и ласково:

– И как же там, за каналом?

– Все неизменно, – заверила Нина с тем же раздражающим выражением, – стоит прокля-
тый старый дом, не уходит никуда, только уж начали растаскивать на стройматериалы.

Речь шла о давно сгоревшем коттедже по ту сторону канала, который торчал на отшибе,
постепенно зарастая осиной и ивняком, и превращался в обиталище животных и людей, кото-
рым чужда была оседлость.

– А еще вот, смотри, что нашла, – поделилась Нина, извлекая из сумки телефон. Не такой,
как у всех, а угловатый, довольно большой, черно-золотистый, с выпуклыми кнопками сбоку.
Старомодный, прямо-таки привет из прошлого.

– Ты где ж такое откопала? Допотопная мобилка, – заметил Сергей, машинально отме-
тив: а в сумке-то пивас, со знаменитой разливайки с той стороны канала. Не многовато ли
для буднего дня?

Нинка, как бы невзначай прикрывая сумку, снисходительно попеняла:

– Деревня ты участковая. Эта «мобилка» дороже чугунного моста стоит.

Он повел плечами: мало ли готовых платить бешеные деньги за ерунду? Возмущенная
Лялька прищипорила его запыленными сандалиями. Мама же ее задумчиво продолжила:

– Надо же, как будто лежал, ждал меня. И до чего на тот, Лёлин, похож...

И на это Сергей никак не отреагировал, хотя так и подмывало. Только пояснил по сути:

– На что он похож – то дело твое. Разве что имей в виду: вещь дорогая и чужая, достаточно
вынуть симку или снять чехол – и готово хищение.

Нина вздернула чуть покрасневший на крыльях, но по-прежнему пленительный носик:

– За кого это ты меня принимаешь? Ага, ну да. Это у тебя профессиональное. С вами
только свяжись – сам измажешься до не могу!

Участковый немедленно сменил тему:

– Как вообще жизнь-то?

Она по инерции огрызнулась:

– Тебе-то что за дело? – но тотчас сменила гнев на милость: – Да потихоньку. Утомились
с этим ремонтом, но теперь уже край видать. Денискины мама с отчимом грозятся подъехать –
заберут Ляльку к себе в Москву, выгуливать.

– Моцион будет?

– Он. А мы хоть отдохнем.

Сергей хотел одобрить, но промолчал. С толстой Лялькой на шее подниматься в гору
было труднее, надо сохранять дыхание. Нина доброжелательно заметила:

– Я смотрю, и ты-то все в трудах.

– На том стоим.

– Похвально. Женишься-то когда?

– Мне доктора запрещают, – отдуваясь, сообщил он.

– Что, жениться? – недоверчиво уточнила Нина.

– Нет. Сажать на шею что-то тяжелее Ляльки.

– Эй! – возмутилась та, подпрыгнув. – Сам жирный.

– Само собой, само собой, – согласился тощий участковый.

Распрощались около первого подъезда, где проживали Романовы, Зубков, дежурно-бла-
го разумно отказавшись от чая и «заглянуть как-нибудь», пошел к своему, четвертому.

Не пойдет он никуда, ни на что, ни тогда, когда дома будет Денис, ни тем более когда
не будет. Нечего давать повод ищущим повода.

Нинка, глупенькая, думает, что все прощено и забыто, но у Сергея глаз наметанный: держат ее до сих пор в зоне особого внимания. Вон как бабки зыркают, делая вид, что пропалывают палисадники, а уши что твои локаторы: не появится ли повод для сплетни.

Участковый, вежливо здороваясь, раздумывал о том, как же его замылили с этим «Когда женишься?». И ведь не спросишь в ответ: «На ком?» – обидятся.

По счастью, зубковская, молчаливая мудрая мать, глупых вопросов не задает. Глаза у нее имеются, и преострые, видит, что вокруг творится и что ей жаловаться не на что. Ее ребенок при хорошем деле, не пьет, не курит, все до копейки в дом отдает, оставляя себе только на провода-предохранители и прочее по своей теле- и радиочасти. В свободное время не шатается попусту, а подрабатывает – монтирует антенны, усилители сигнала и прочие штуки, ремонтирует телефоны, телевизоры-чайники и вообще все, что под руку попадет.

Живут они мирно, под кожу друг другу не лезут. Потому и не беда, что оба ютятся в крошечной двушке – все-таки своя жилплощадь, уже давно не коммуналка, у иных и этого нет.

Сергея, навернув щец и котлет, как раз допивал кружку чая и глазел с балкона на солнечный двор. После плотного обеда мысли в голове текли правильные, освежающие и умиротворяющие: «Служба моя очень интересная, хорошая. Не то что в городе – неизвестно, что произойдет даже через час, не говоря уже о сутках. Нет у меня никакого желания менять ни профессию, ни место жительства. Пусть работа у нас специфичная, далеко не для каждого, но раз выпало так, то пусть так и остается... до конца».

Не успел он в сотый раз порадоваться тому, что служит не в загаженной разным элементом столице, а аж в сорока пяти километрах от нее, где люди мирные, без воображения, способны максимум на пьяное мордобитие, как в другом конце дома грянул взрыв.

Глава 2

... – Лева, родной, деревенские боевики – не твое, – едко заметила Мария, подливая себе вина, – пока совершенно не захватывает.

– То есть не живописать то, что металось на балконе соседнего дома, брызгая кровавыми слезами? – невинно уточнил Гуров.

– Э-э-э, постой, постой. Пожалуй, что нет, красочно. Валяй дальше. Только если это триллер, то я, пожалуй, схожу за новой бутылочкой. И, так полагаю, – она прислушалась к своим ощущениям, – сыром.

Супруг великодушно разрешил:

– Сделай милость, я пока помолчу. Да, и при желании, для наглядности, можем отыскать в интернет-дебрях телерепортаж об этом происшествии.

– Погоди, ты по-прежнему настаиваешь на том, что глаголешь чистую правду?

– Почему нет? Я всегда говорю правду, когда есть возможность, – напомнил он, – иди, иди, я поищу пока трансляцию.

...Бодрая девица в очках с профессиональной озабоченностью на лице рапортовала, с негодованием глядя в камеру и сопровождая речь экспрессивными жестами:

– Восьмого июня двадцать третьего года покой летнего дня в подмосковном поселке городского типа был нарушен сильным взрывом. Мирные жители, сбежавшиеся на шум, с ужасом смотрели вверх...

Плавающая камера, бесхитростно имитируя работу «в поле», дернулась к небесам, туда, где из выбитого окна на последнем, пятом этаже вырывался серый дым. Там же, на балконе, металась женщина, хватая руками то воздух, то лицо – точнее, кровавое месиво на его месте.

– Это надо было бы как-то замыть, забрюлить, – ежась, заметила Мария, – жуть какая. Оградка-то хлипкая, вот сейчас упадет.

Приближаясь, завывала сирена пожарной машины. Кто-то крикнул за кадром: «Смотрите, на крыше!», камера поспешно дернулась в указанном направлении. В самом деле, по ней мчался человек. Добежав по задымленной секции, перелез через ограждение по периметру крыши, сиганул прямо на хлипкий козырек, проломив его, очутился точно на балконе. Успел, перехватил женщину, удерживая ее, крикнул: «Нет огня! «Скорую»!»

Камера наконец стыдливо отъехала, снова нацелилась на ведущую. Та продолжала:

– Женщину, которая взывала о помощи, истекая кровью на балконе, знали все – это Нина Романова, молодая мама, местная жительница. Кричала она не только от физической боли: на полу кухни бился в агонии ее муж, простой рабочий на местном производстве...

И помедлив, чтобы дать зрителю время ужаснуться, журналистка продолжала с сердечным сокрушением:

– Как видите, неизвестные преступники посягнули не на олигархов, не на авторитетов. Обыкновенные люди. Простая семья.

После драматичной паузы она весьма внушительно повторила:

– Коих множество в России!

– ...Драматизм присутствует, – похвалила жена, – прямо «Шестьсот секунд», под ударом все-все, никто не может ощущать себя в безопасности в «этой-то» стране. К тому ж множество жертв и ни одного убийцы, ибо кругом коррупция.

Она спохватилась:

– Так, Гуров! Лучше сразу скажи: жертвы ужасных, но неизвестных злодеев – точно не денежные мешки, олигархи, авторитеты, что-то там не поделившие? Признайся, не разводи мыльные оперы. Нет ничего глупее историй про нищих, которые на самом деле калифы.

– Нет, нет, – успокоил Гуров, – и даже не уголовные авторитеты или, там, коррумпированный элемент, а мирные обыватели, муж с женой, коренные обитатели Мокши.

– Что ж, пока ясно, что ничего не ясно.

– Вот-вот. Обычные люди, обычная жизнь, и слишком мало фактов, чтобы сразу сделать выводы.

– Так, а что с ними в итоге, с пострадавшими?

– Итог был только для Дениса. Подъехавшая «Скорая» смогла помочь лишь Нине, раны у нее оказались серьезные, но несмертельные. Муж скончался на месте, оказавшись в эпицентре.

Мария, помрачнев, спросила, что с ребенком.

– Дочка, по счастью, успела уехать с бабушкой и дедушкой в Москву. Теперь страшную весть надо было сообщить его родителям...

– Вообще жуть, – признала Мария серьезно, выключая видео, – совершенно несмешно.

– Если тебе требуется комический сюжет, то имеет смысл обратиться к Станиславу, – посоветовал Гуров, – вот у него имеется талант излагать минорные факты мажорно.

– И обращусь, если надо будет, – пообещала жена, – твое дело – атмосферу нагнетать, так что будь любезен.

– В нашем случае это было ни к чему. И так невесело.

– И Зубков тебе позвонил когда?

– Вот как раз тогда, когда мы все уже были на месте. Только Зубков подросел потому, что жил по соседству и лично знал потерпевших, а мы – потому, что руководство направило. По всем федеральным каналам прошел сюжет, соцсети гудят, как улей. Ты наверняка помнишь, что в то время тема со взрывами была особенно болезненной.

– И вы со Стасом, как старые охотничьи псы, рыскали по местности.

– Стас рыскал, стосковался он по работе на земле, с людьми.

– А ты в сторонке. Руководишь, значит, – невинно подсказала Мария.

– Что ж, иной раз не лишне отойти в сторонку и бросить взгляд. К тому же по прибытии выяснился ряд кое-каких моментов.

...Выяснив, что искомый абонент не просто доступен, а прямо-таки рядом, стоит руки протянуть, участковый Зубков немедленно предстал перед полковником Гуровым. Козырнул, приложив ладонь к отсутствующей фуражке – на нем из форменной одежды имели место майка и темно-синие брюки. Тапки ему кто-то одолжил.

– Я вот, Лев Иванович... – начал было он, но почему-то смутился, запнулся и стих.

Со времени их последней встречи Зубков изменился несильно. Симпатичная простоватая физиономия заострилась, взгляд небольших, быстрых глаз стал как у дворняги, отравившейся шаурмой, на щеках колосится свежая рыжеватая поросль. От того, что теперь он не сидел на телефоне и перемещался не на казенной машине, а на своих двоих, стал еще более поджарым.

Станислав, уже выведавший очевидные детали происшедшего, молчание прервал:

– Зачем на крышу влез, герой?

– Я? А, да. – Сергей все тер и тер закопченное лицо, все в серых разводах.

Крячко его пожалел, извлек платок и походную флягу:

– Убери ручонки-то, давай помогу, только размазываешь.

Умываемый, Зубков невятно пытался пояснить свои эволюции:

– Запаниковал я. Бегают Нинка, как курица без головы, ну как с балкона навернется, у них неостекленный, а оградка старая, гнилая. И дочка еще там.

– Чья? – немедленно прицепился Станислав.

– Лялька, то есть Регина. Дочка Романовых. Потом только вспомнил, что она с бабушкой и дедушкой уехала в Москву. Живут они там.

– У вас принято обо всех перемещениях оповещать участкового? – уточнил Гуров, критически оглядывая предварительные результаты трудов коллеги. – Нет, все-таки иди к колонке, вымойся. Весь пятнисто-полосатый.

– Спасибо, Станислав Васильич, я щас... Нет, не оповещать, мы встретились по дороге с Лайкой, то есть Романовой...

– Милое прозвище, – одобрил Крячко, – старая твоя знакомая?

– Все мы тут старые знакомые, – пояснил Зубков.

Лев Иванович деликатно пресек попытку увильнуть от ответа:

– Коллега мой Станислав Васильевич имеет в виду спросить: ты в каких отношениях с гражданкой Романовой?

Зубков тотчас открестился:

– Ни в каких я отношениях с гражданкой Романовой. Знакомые, говорю же.

– Ну а с гражданкой Лайкиной? – невинно хлопая светлыми ресницами, уточнил Крячко, отвязаться от которого было непросто.

Однако и Зубков, хлопая такими же, пояснил кратко:

– В детстве были соседями по коммуналке.

Замолчал.

«Кислое дело, – подумал Гуров, разглядывая в упор эту, казалось бы, хорошо знакомую личность, вроде бы ранее прямую, не переваривающую кривды и иносказаний, – ведь только-только названивал, да не кому-то, а полковнику Гурову, оперуполномоченному по особо важным делам. Причем пребывал в истерике, практически в соплях и слезах. А вот утерся – и темнит, недоговаривает».

Ох уж эти местечковые дела и тайны подковерные, старорусская традиция все под ковер заметать, упаси боже, чужаки узрят непорядок. Вслух же, все-таки жалея парня, полковник достаточно спокойно спросил:

– Послушай, лейтенант, с какого рожна ты тут мнешься, как девка на танцах? Только что в трубку чуть не плакал, спасите-помогите, а из тебя слова не вытянуть?

Однако умница Зубков не закусился, не огрызался, а просто попросил, улыбаясь щербато, чуть ли не беспомощно:

– Не сердчайте, Лев Иванович. Это торможу я так и с мыслями собираюсь. Я ж этих двоих, Нину и Дениса, сызмала знаю. С Денисом корешились по молодости, друзьями были, потом лишь разладилось, так и не успели помириться...

– Девчонка не того выбрала? – вновь якобы простодушно уточнил Крячко.

Сергей дернулся, открыл рот, закрыл – и вновь принялся возить полотенцем по физиономии. Гуров поднял бровь, Станислав едва заметно плечами пожал: не вышло бесцеремонным вопросом и наглостью скорлупу взломать. Дальше сам, интеллектуальными методами.

– Прости, я дополню. Ребята они простые-незамысловатые, всю жизнь на глазах как на ладони. Верно?

– Да.

– Ты, Сережа, с детства с ними знаком.

– Верно.

– Были у кого-то какие-то причины их ненавидеть, мстить?

– Кому?

– Как кому? Что мужу, что жене, одна сатана, по народной мудрости.

Ни секунды не колеблясь, не размышляя, участковый твердо заявил:

– Нет, Лев Иванович, ничего подобного ни про кого сказать не могу.

– Продолжай, – просто предписал Гуров.

– Продолжать... так, ну познакомились еще до армии. Романов пораньше меня ушел. Нина его ждала.

– А стоило? – встрял Крячко.

– Да, – просто сказал лейтенант, – Денис – парень видный, можно сказать, первый. Но трудолюбивый, честный человек, с утра на работу, вечером с работы, ни капли водки в рот не брал...

Его отчетливо передернуло:

– И вот в луже крови, вот такой вот... как червяк передавленный.

– Лейтенант, перестань уже сопли жевать, – потребовал Станислав, после чего демонстративно отвернулся и обратился к Гурову: – Господин полковник, если наш герой не в состоянии факты изложить, так я пойду пообщаюсь с теми, кто в состоянии?

– Поддерживаю.

Крячко удалился туда, где было и народу, и информации побольше. Народу много было. На месте, помимо граждан, уже работали взрывники, опера, прибыл начальник райотдела. Промелькнул знакомый следователь, Степа Рожнов. Так и есть, вот нашлись с Крячко, пожимает руку Станиславу, они друг другу симпатизировали. Начали, совершенно очевидно, делиться мнениями, и тотчас подтянулись еще двое ребят, в гражданской одежде, но по всему видать, свои, опера. Вот уже Рожнов что-то чертит на листке, уложенном на планшет, Станислав уточняет – пошла работа на земле.

«Ну-с, если есть в этом гуляше кто осведомленный, Крячко выловит. Вернемся к нашему барану», – решил Лев Иванович и предложил, пока по-доброму:

– Сергей, попробуй еще раз. Только без сердца и внутренних переживаний. Дениса не вернешь, а нам работать надо. Излагай детали, плакать потом будем.

Зубков, аккуратно как-то, по-женски (хотя руки у него ходуном ходили), машинально складывая грязное полотенце, попытался последовать указанию:

– Сейчас попробую. Так. Завершил обход. Решил пообедать...

– Домой шел.

– Да. Встретил пострадавшую Лайкину, то есть Романову. Они с дочкой моцион совершали, гуляли.

– Ты ж говоришь, она в Москве?

– Это позже. Денискина мама с отчимом увезли.

– Отчимом. Отец не родной?

– Нет.

– И мать в столице живет, с мужем?

– Так точно. Тетя Таня, то есть Татьяна Михайловна, вышла замуж и квартиру ему переписала. Они рассорились на почве женитьбы.

– Пусть их, дела семейные.

Сергей хотел что-то добавить, а то и возразить, но тут во дворе активизировалось шевеление. Материализовались какие-то вежливые люди в штатском, аккуратно, бережно, но настойчиво расчищали дорогу от народу.

Величественно, крейсером всплыл по горке, причалил к оцепленной территории черный «Аурус». С переднего пассажирского сиденья вылез габаритный товарищ, открыл заднюю дверцу, оттуда выбрался суровый господин официального вида, с пухлым, смутно знакомым лицом, еще молодой, а пуговицы строгого однобортного костюма на пузе уже заметно расходятся.

– Рокотов, – проворчал Зубков, уловив вопросительный гуровский взгляд.

Лев Иванович сначала не понял, потом не поверил, затем удивился:

– Шутись? Тот самый?

Зубков заверил, что нет, бывший следователь Рокотов, известный любовью к себе и инициативностью в продвижении себя же, трудится главой городского округа.

– Я был уверен, что он как минимум под следствием, – признался Гуров. Во время их последней встречи следователь Игорь Вадимович Рокотов проявил себя во всей красе. Он был

по-своему талантлив в том, что касалось фальсификации доказательств, стремлении «засадить» – не важно, виновного или нет, главное, что с громким именем, – и в иных специфичных сферах.

– Отмазался, – лаконично объяснил Зубков.

– Как же получилось?

– Как обычно. Пришлось его тестюшке поклоняться-побегать, а самому Игорьку поболеть воспалением хитрости.

– Зато теперь зятек – руководство.

– Вот увидите сейчас – пройдетя рукой мастера, и начнется. Точнее, закончится.

Глава Рокотов, мужественно играя желваками, орлиным взором озирает окрестности. Его взяли было в кольцо товарищи с микрофонами, но он отмахнулся – «Комментарии после!» – и уверенно перешел к следующей исторической ситуации, то есть бестрепетно прошествовал в подъезд.

«Ох, чуёт мое сердце, прав Серега, сейчас все закончится. И мы услышим версию окончательную, не подлежащую обжалованию, – спрогнозировал Гуров, – этот Рокотов из тех, кому плюй в глаза – все божья роса. Иной правовец после тогдашнего фиаско ушел бы в дворники, а этот ничего, утерся и правит. И по-прежнему это выражение на физиономии: отсутствие сомнений и самокритики».

Лейтенант, точно услышав его мысли, проворчал:

– Помяните мое слово: непременно выяснится, что это что угодно, но не взрыв газа.

– Почему так считаешь?

– Просто все. Месяц как закончилась всеобщая ревизия газового оборудования. Одних протоколов составлено тысяч на двести-триста.

– Участковый уполномоченный, что за личная неприязнь? – строго спросил полковник с надлежащим выражением на лице.

Само собой, Зубков и ухом не повел:

– Имеется, и давнишняя. Сами помните, тот еще... товарищ.

И вот глава великолепный с видом значительным и одновременно скорбным снова возник из темноты подъезда. Его немедленно окружили страждущие открыть миру Страшную Правду. На этот раз Рокотов прямо, по-мужски не отказался поведать ее миру. Кратко обрисовав ситуацию, прозрачно намекнув на злоупотребления, упущения предыдущего руководства, рубанул правду-матку («Что услышать-то желаете? Столько лет разворовывали!»). И наконец, заявил просто и безапелляционно: расходитесь, граждане, не мешайте работать, ничего интересного.

Это заявление произвело небольшой шок, поскольку эволюции главы Рокотова обставлены были так, что журналисты рассчитывали на сенсацию, вдохновляющий вулкан обжигающей информации.

Бывалая журналистка с центрального телеканала, понимающе ухмыльнувшись, попыталась снова:

– То есть вы хотите сказать, что вам, в отличие от правоохранителей, уже очевидны причины взрыва.

Тот не стал противиться:

– Известны. Мой многолетний профессиональный опыт сотрудника правоохранительных органов, равно как и осмотр места происшествия, и просто, – Рокотов позволил себе тень улыбки с тенью же горечи, – знание местных реалий позволяют утверждать, что причиной трагедии стал, к сожалению... – Он умело выдержал красивую паузу: – взрыв самогонного аппарата.

– Неужели бытовой дистиллятор способен? Никогда бы не подумала...

– Это от недостатка опыта, еще как способен, – заверил Рокотов, – имел место хлопок скопившихся спиртовых паров при использовании самодельного самогонного аппарата. Пожара удалось избежать, но поскольку взрыв имел место в замкнутом пространстве, то повреждения значительные, вынесены вот оконные рамы, фрагменты домашней утвари очутились во дворе. С прискорбием сообщая, что сам самогонщик скончался до приезда «Скорой»...

Он поиграл желваками, изображая скупую мужскую скорбь:

– Вот таким образом алкоголизация населения собирает свою жатву. А ведь простой, хороший парень, рабочий человек. Жаль...

Все благопристойно помолчали, но тут кто-то въедливый вновь вылез, выкрикнув из массовки:

– Так все-таки причина – не во взрыве газа?

Глава Рокотов посуровел, подпустил льда в свои исключительно красивые голубые глаза.

– Советую вам больше доверять официальным источникам информации. Если бы имел место взрыв газа, то последствия были бы куда значительнее. К тому же согласно последним... заактивированным, – он поднял палец к небу, – обследованиям, газовая система данных домов находится в идеальном состоянии. В первом полугодии жилищная инспекция горокруга проверила внутримановое газовое оборудование во всех многоквартирных домах, составлено семь протоколов, выписано штрафов на двести тысяч рублей управляющим компаниям...

Точно из рукава, извлек и вытолкнул вперед небольшую круглую дамочку:

– Рекомендую: руководитель отделения жилищной инспекции, можно уточнить детали. Мне, простите, некогда.

Хотел он, очевидно, погрузиться в машину и удалиться, весь в белом, но его не пустили. Клич о том, что прибыла «власть», разлетелся по поселку, и теперь у дома толпилась воодушевленная, жаждущая информации уйма народу.

Главу Рокотова взяли в плотное кольцо, деликатно, но настойчиво отгеснили от места взрыва, начали потрошить. Нет, не по поводу причин случившегося, интерес к трагедии уже угас. Дело не в людской черствости – ну, взрыв да взрыв, никто ж другой не пострадал? Тот же, кто пострадал, виноват сам, сказано же, что тайный алкоголик. (Хотя всем буквально известно, что Денис Романов в рот водки не берет, но раз руководство утверждает, что ж...) Жаль парня, конечно, пропал ни за грош. Пропал, но мы-то живы!

И теперь избиратели жаждут выяснить ряд куда более насущных вопросов, касающихся собственного существования.

Правда ли, что вскроют мост через канал? Верно ли, что заасфальтируют дорогу к рынку? Почему в новых домах горячая вода не поднимается выше третьего этажа? По каким причинам в поликлинике до сих пор нет зубного и тому подобное. Сыпались вопросы и претензии, живые желали существовать далее, долго, счастливо и комфортно, и потому главе Рокотову не судьба была уехать восвояси тотчас.

Осознав это, он лица не потерял, говорил с народом, что-то втолковывая избирателям, такой молодой, а уже серьезный, понимающий, со свежим взглядом на застарелые язвы общества. Доброжелательный, а прищур простецкий, народный, как у приснопамятного Ильича. Ни дать ни взять – тот самый барин, который наконец приехал и сейчас все рассудит.

Пока глава Рокотов общался с народом и тетка из жилищной инспекции, брошенная на фронт средств массовой информации, выкручивалась из журналистских клыков блестяще, окусывалась умело, огрызалась по сути и с такой долей здоровой агрессии, так журналисты поняли: не на ту напали. Ажиотаж быстро схлынул, предвкушение сенсаций увяло.

Ведь, как выяснилось, во всем виноваты не те, которые «высоко сидят», кого «хватит кормить», даром разбазаривая народные деньги, а условный среднестатистический гражданин Вася, который по своему собственному головотяпству разнес полквартиры, чуть не угробил

жену и сам же отправился к праотцам. На этом публику долго не удержишь, кому приятно, когда собственным портретом глаза колют?

Журналисты расползались, зато Станислав вернулся из толпы очевидцев довольный и с добычей. Уловил-таки Крячко в свои сети кого-то осведомленного. Выражение лица у него такое, как у удачливого рыбака.

– Что, не взрыв газа? В порядке газовое хозяйство? И вообще, самогонщики то есть сами виноваты? – уточнял он, ухмыляясь. – Типа расходитесь, ничего интересного?

– Между тем интересно, и весьма? – подбодрил Лев Иванович.

– А пойдем, Лева, глянем. Если не брешет глава Рокотов, то там что должно быть: отлетевший змеевик, рванувший бак, бочки с бражкой...

Зубков влез, твердо заявил:

– Нет там ничего. И быть не может.

– О, смотри-ка, отмылся и посмелел, – одобрил Крячко, – и язык развязался? Ну не томи, излагай, излагай.

– Поведай, откуда уверенность? – подхватил Гуров. – Или не пили вместе – значит, трезвенник?

– Пили мы вместе сызмальства, и не раз. А уверенность оттуда, что даром свой хлеб не ем, – запальчиво огрызнулся участковый, – я тут все самогонные аппараты в лицо знаю, получше собственного отражения.

– Прямо везде?

– В поселке и в окрестностях!

Сделав такое по-своему сильное заявление и тотчас застенчившись, Сергей снова замолчал, однако Лев Иванович заметил:

– Молодец, только давай не останавливайся и давай уж без сердца.

– Если что знаешь – нехорошо скрывать, – напомнил Крячко.

– Надо говорить. Или снова какие-то темные тайны личности?

– Ой, все, – буркнул Зубков, – понял я, понял. Не газ это. И не самогонный аппарат. Врет Рокотов. Пиво Романов потреблял, и то лишь недавно снова начал, прячась ото всех. Нинка с той стороны канала с разливайки контрабандой таскала.

Крячко удивился и заинтересовался:

– С чего работяге стесняться пиво пить?

Зубков, вздохнув, неохотно пояснил, что родительница погибшего растила его одна после того, как папу выгнала из дому за пьянку:

– Дениске стыдно употреблять было.

– Еще и стеснительный работяга! Интересно. Но, может, супруга не прочь, как насчет самогоночки? – не отставал Крячко.

Однако Зубков стоял насмерть, отстаивая непорочный облик своих друзей детства:

– Никак. По молодости все пили, теперь все и завязали...

– И Нина?

– И Нина. Завязала наглухо и давно.

Вроде бы ничего не сказал Крячко, но что-то неприятное увидел лейтенант в лице полковника и немедленно возмутился – правда, строго в рамках субординации:

– Да что вы, в самом деле. Мне не верите, а Рокотову этому дурацкому – пожалуйста? А он врет! Выборы на носу, вот он и корчит из себя правдоруба, с народом васькается: видите, все под контролем, очистим наши стройные ряды от пьяниц и прочее.

«Что-то он утомил меня», – подумал Лев Иванович и, уточнив:

– У тебя все? – обратился к Крячко:

– Пойдем, Станислав Васильевич, такое мнение есть, что тут ловить нечего. Пусть товарищ участковый пока повспоминает, зачем названивал занятому человеку, которому не до него.

И, отвернувшись от вспыхнувшего, заалевшего Зубкова, пошел в подъезд.

Глава 3

Квартира потерпевших Романовых в обычной панельной пятиэтажке без лифта оказалась ничего себе: три изолированные комнаты, неожиданно просторная прихожая, кухня, объединенная с лоджией. Свежий, явно своими руками, но с любовью сделанный ремонт, что было видно по неповрежденным помещениям. Заметно, что далеко не бабушкина жилплощадь, хозяин заботливый.

Был. Вот от него только затертый меловой силуэт остался.

Выяснилось, что в группу включен старый знакомый следак Степа Рожнов, неулыбчивый, угрюмый, как не вовремя разбуженный медведь, но толковый, цепкий профессионал. Пожав Гурову руку, он подтвердил тезисы, услышанные от Зубкова, причем со ссылкой на экспертов:

– Да, Лев Иванович, ожидаемо набрехал этот... глава, – видно было, что не сплюнул только потому, что на месте происшествия неловко. С Рокотовым и его художествами Рожнов тоже был знаком, не понаслышке.

– Подтверждают газовщики: абсолютно исправна система, никаких следов взрыва системы. Да и без них и так видно.

– Ага, ага, – кивал Крячко, быстро оглядывая пострадавшую кухню, – а что с вентиляционным каналом, с гибкой подводкой к плите?

– Момент. – Рожнов позвал газовщика.

Парень из газового треста подтвердил: канал в полном порядке, и гибкая подводка к плите на месте, присовокупил:

– Я, господин полковник, сам тут в поселке инспекцию проводил.

– Давно ли?

– Не более трех месяцев назад. Более того вам скажу: в этом доме, и в этой квартире тоже даже облупившейся краски на трубах – и той не зафиксировано. Нет, не газ, ручаюсь. Да если бы рвануло по нашей части, разве бы этим вот, – он обвел руками, – обошлось?

Хмурый Рожнов лишь хмыкнул. Сарказм понятен: это бывшего газовщика картина разрушений не впечатляла, но квартира пострадала сильно.

– Зато стены не сложились, а мы все строителей ругаем, – заметил Крячко, обходя обломки какой-то мягкой мебели с сорванной обивкой, – смотри, даже балкон не особо пострадал.

– Ага, только то, что Зубков костями своими пробил, – заметил Рожнов.

– Я вот тоже обратил внимание на балкон, – включился в беседу эксперт-взрывотехник, – цел, это несмотря на то, что близко к эпицентру.

– А эпицентр где? – поинтересовался Гуров.

– Тут вот, смотрите, – указал специалист, – деформации самые говорящие.

– В самом деле.

– При этом возгорания не было? – уточнил Крячко.

– Ни возгорания, ни задымления не зафиксировано, хотя взрыв немалой силы.

– Что же так любопытно рвануло?

– Погодите, еще не все, пойдете к окну, – эксперт указал на улицу, туда, где оформляли вещдоки, – смотрите. Видите крупные обломки?

– Не менее пятидесяти метров от фасада, – заметил следак-фээсбэшник, майор Гришин, появившись из другой комнаты, – здоровья желаю, господа полковники.

– Что это там за мусор вылетел, уж не спиртовые ли канистры? – ответив на приветствие, спросил Крячко. – Вдруг все-таки самогонка...

– Это не для спирта, для воды, – пояснил Рожнов.

– А зачем? – поинтересовался Лев Иванович. – Воду часто отключают?

– Нет, просто в поселке вода плохая, потому или набирают на роднике, или покупают в аппаратах, по четыре рубля за литр.

– Вот оно что.

– Гляньте-ка, старик пострадал, – обратил внимание фээсбэшник.

Указывал Гришин на кофейный автомобиль «москвичонок», припаркованный во дворе, древний, но удивительно свежий, не ржавый, покрытый теперь слоем пыли.

– Досталось пенсионеру ни за что, – пожалел Станислав, – аж лобовое вошло в салон. Или уже было разбито, Степан, не видел?

Следователь Рожнов возразил:

– Видеть не видел, но вряд ли. Это «Москвич» персонального пенсионера Ильичева, а это известный сквалыжник. Вот, кстати, он сам, Зубкова в асфальт закатывает.

Внизу, у пострадавшей машины, разгорался скандал в исполнении румяного, бодрого старикана, вылитый Дед Мороз, только злой. Тыча пальцами то в повреждения, то участковому в грудь, он активно качал права, докапывался до истины и выбивал властям бубну. Зубков, пригорюнившись, слушал. Ради того, чтобы принять претензии гражданина, ему пришлось оставить личные переживания и рефлексии.

Рожнов, криво усмехаясь, разъяснил:

– Как-то зимой этот вот не поленился, принес прокурору заявление: дети, видите ли, на крыше ему пару снеговиков скатали. Целого независимого эксперта откуда-то выписал, следы фатальных разрушений оформлять. А ведь тогда все у него было целехонько, не то что сейчас.

– Теперь точно не то, – заверил эксперт, – минус лобовое, лакокрасочное хорошо так попорчено, салон в лоскуты...

– Ну, это перетянуть на раз можно, подскочить к Станиславу на Нагорную. – Рожнов с экспертом погрузились в специфические диалоги.

«Ну-с, ладно, это меня не касается». Гуров, оставив коллег обмениваться ценными замечаниями и наблюдениями, обошел небольшую, в лучшие времена уютную квартиру.

В непострадавших комнатах не было ничего особенного. Вот супружеская спальня с кроватью, аккуратно застеленной покрывалом, вот детская комната, светлая, ящики с игрушками, книжки, лошадка-качалка с висящей на ней самодельной деревянной саблей и почему-то кроватка в виде синего автомобильчика.

«Мечтал Денис о сыне, хотя, может, и отдал кто. Да-а-а, видать, папина дочка росла».

Родителям погибшего – точнее, маме и отчиму – наверняка уже сообщили о его смерти. Мелькнула несвоевременная, глупая мысль: должно быть, бабушка сейчас, одновременно улыбаясь и задыхаясь от подавленных воплей, героически догуливает внучку в зоопарке. Ведь наверняка заранее пообещала ребенку эту радость, как же все отменить? А может, и сорвалась, оставив ее на попечение бабушки, понеслась на перекладных в морг...

Лев Иванович вдруг заметил, что после всего этого тарарама, взрывов, шума, роко-товских эволюций вдруг стало очень тихо. Почему-то, несмотря на близость, не оглушали ни шоссе, забитое машинами, ни железная дорога, до которой рукой подать. Все потому, что поселок на горах и при этом утопает в зелени. Вековые деревья шумят свежей листвой, у каждого подъезда и под окнами – палисадники с разнообразными цветами, сиренью.

Глядя в окно, Лев Иванович заметил, как тут красиво, виды открываются замечательные: «Сплошной зеленый шум – и как будто сразу канал, не видны дорога и рельсы, не пахнет ни бензиновой поганой гарью, ни рельсовыми «духами». А канал какой нарядный издали, прямо волшебная река! И какой загадочный шлюз со статуями, прямо какой-то Абу-Симбел. Наверное, в дождь или иную непогоду мрачновато эти комсомольцы выглядят, особенно вон тот неприветливый паренек в кепке. Зато сейчас, при солнце, хоть лубок рисуй, как это там: «Спасибо товарищу Сталину...»

Так, закончили с любованиями природой и с рефлексией.

Вернемся на кухню.

Рвануло тут, здесь эпицентр: все усыпано осколками, полопались стеклопакеты, пострадала мебель, вылетело стекло микроволновки, осколки посуды.

Видны были следы добросовестных усилий следственной группы – сантиметр по сантиметру, руками перебирали они этот говорящий мусор, пытаясь найти какие-нибудь фрагменты, следы. Непросто среди всего этого хлама, остатков того, что было мирной семейной кухней, отыскать то, что может указать на негодяя, разрушившего чужие жизни.

Вновь появился эксперт-взрывотехник. Оказалось, он достаточно долго ходит, что-то измеряя, прикидывая, подсчитывая. Не особо было похоже на стандартные действия по осмотру места происшествия, но, видимо, что-то изменилось в алгоритмах. Однако складывалось такое впечатление, что эксперт как-то уж очень глубоко погрузился в изучение последствий взрыва, более того, нечто его то ли восхищает, то ли ошеломляет. Эксперт пребывал в состоянии, его братии несвойственной, а именно – в непонятной, но очевидной эйфории. Жалко было его спускать с небес на землю, но ничего не попишешь. И Гуров спросил, есть ли что определенное.

Тот, выйдя из анабиоза, отрапортовал вполне корректно, по-деловому:

– Есть, но, насколько определенное, сказать пока затрудняюсь. Мне, господин полковник, ясно пока лишь то, что никакой это не дистиллятор, а взрыв.

– Тротил, гексоген?

Взрывотехник понизил голос, практически до нелегальности:

– Вот с этим связан момент преинтересный, но строго между нами.

Лев Иванович пообещал стопроцентную конфиденциальность, и эксперт признался, что характер, масштаб повреждений, точность и направленность волны не свойственны ни одному известному лично ему, эксперту, составу.

– Что вы хотите сказать, коллега?

– Лишь то, что тут, в обычной квартире обычных людей, произошел взрыв необычного вещества, – радостно резюмировал эксперт, – причем знаете, что еще интересно?

– Теряюсь в догадках.

– То, что упакована эта штучка была с выдумкой! Нашли мы несколько оплавленных частиц, похожих на карбон. Надо провести исследование, но визуально это именно высококачественный полимерный композит и даже с элементами благородных металлов. Вот полюбуйтесь.

– Похоже на корпус какого-то устройства, – заметил Лев Иванович, рассматривая упакованные в прозрачный пакет фрагменты.

– Гаджета, причем исключительно нарядного, – заметил подоспевший Крячко, – небось, при жизни машинка была богаче некуда. Даже вот... это что, золотая кнопка? Пупка для завода хронометра?

Он указал на фрагмент, который так и тянуло назвать останками часовой головки, небольшой такой, круглый, ребристый.

– Похоже на часы, согласен, но не они, – заметил эксперт, – для надежности надо бы товароведом показать, поскольку деталька неуместная. Если же исключить ее...

– Исключать то, что не укладывается в парадигму? – улыбнулся Гуров, но взрывотехник пребывал на своей волне и в концептуальные споры не углублялся:

– Если применить бритвочку Оккама о недопустимости множить сущности без надобности, то можно с уверенностью утверждать, что взрывчатое вещество находилось в предмете, схожем с корпусом мобильного устройства.

Глава 4

– ... То есть, если перевести со специального на русский, телефон рванул? – переспросила Мария разочарованно. – Ты не перегнул?

– Вот ни на столько. – Он показал на пальцах.

– Нет, ну, допустим лет десять-пятнадцать назад прокатила бы история о том, что кто-то поставил айфон на китайскую зарядку, а наутро – фуф! – ни зарядки, ни айфона. Ну и ни того, кто поставил. Сейчас в байку про телефон-убийцу никто не поверит.

Лев Иванович напомнил:

– Вообще многие верят в то, что видят собственными глазами. Например, что земля плоская.

Мария сатирически подняла бровь, но от едкого замечания воздержалась.

– Да я не спорю с тобой, – смиренно заверил супруг, – и больше скажу: если бы взорвался телефон, поставленный на некондиционную зарядку или с каким-то «не таким» аккумулятором, то и травмы последовали бы лишь легкие, нелетальные. По крайней мере, так показывает практика, на которой стоим...

– Помню, помню, неслыханных преступлений не бывает и все такое.

– Да. Но самое-то интересное в том, что в квартире Романовых взорвался не совсем телефон.

– Ну-ну. Так, начинается путаница. Мы ж уговорились: речь идет о самой простой семье, не олигархи, не нефтяные короли, не даже говорящие головы.

– Я не отказываюсь. Все именно так, – подтвердил Лев Иванович.

– В таком случае как взрывчатка попала в квартиру простых, как хлебушек, людей? – требовательно спросила жена.

– Вот эту-то малость и осталось выяснить. Но, как говорится, не будем бежать впереди паровоза. Пока я факты привожу, душа моя. А они такая упрямая вещь – не отмахнешься! И ведь чистейшие, без примеси.

– Ладно, – с сомнением протянула она, – грохочи дальше.

...Позвонил эксперт, проводивший исследование, пригласил навестить.

– Товароведа я дернул для чистоты эксперимента. Меня мучили сомнения, уж больно как-то все нарочито.

– Что вы имеете в виду? Говорите прямо, не стесняйтесь, – ободрил Гуров.

– Да видите ли, господин полковник, такая история: обломки-осколки, обнаруженные на месте взрыва в квартире Романовых, в самом деле, фрагменты корпуса телефона.

– Ну, ну?

– Так ведь тут дело в том, какого телефона. Весьма редкого, дорогого.

– Что, круче айфона?

– Гораздо. Коллеги утверждают, что настоящий раритет, «Улисс нардин лимитед эдишн», сплошной карбон-золото и, чтобы уж совсем наверняка, ручная сборка.

– То есть это все-таки часы? Швейцарские? – уточнил Крячко.

– Почти. Производитель тот же, только это смартфон, если точно, то гибрид часов и смартфона, вещь не просто дорогая, но редкая. Найти разве на черном рынке можно, официальных поставок сто лет как нет.

– Насколько дорогая, хотя бы порядок? – поинтересовался Гуров.

Эксперт признал, что тут мнения разошлись:

– Единодушие имеется лишь в том, что дорогая чрезвычайно. Материалы ценные, карбон и золото, сборка целиком ручная, к тому же такие модели не производятся с две тысячи

четырнадцатого года. Как раз после тогдашнего скачка доллара прекратились продажи телефонов в России.

– Ну цена-то, цена? – нетерпеливо повторил Крячко. – Товароведы затрудняются?

– Именно. Можно пробить по барахолкам, но лично мое мнение: сейчас такая машинка бэу стоит в пределах десяти-двенадцати тысяч долларов.

– Прямо кнопки платиновые, – с недоверием пробормотал Станислав.

– Кнопки золотые, – уточнил педант-эксперт, – впрочем, если честно, я не погружался в тонкости.

– Ну а фото есть этой редкости? – поинтересовался Гуров. – Хотелось бы бросить взгляд.

– Примерно так. – Эксперт протянул свой собственный, повидавший всякие виды гаджет, приглашая полюбоваться на фото куда более ошеломляющего телефона.

– В самом деле, красивый и с кнопками. Ничего себе, – одобрил Крячко, – богатая вещица.

Трудно было с ним не согласиться. Золотисто-угольный корпус, нарочито старомодный, угловатый. Сбоку, как у всех смартфонов, находились две продолговатые, утопленные в корпус кнопки увеличения и понижения громкости, и при этом между ними совершенно внезапно имела место зарядная головка, в точности как у механических часов с ручным заводом.

Чрезвычайно походила она на тот самый «лишний» элемент, изъятый на месте взрыва.

– Аппарат современный, это видно. Для чего же такая кнопка? Просто бутафория? – уточнил Лев Иванович.

– Нет, элемент рабочий, причем интересный. Это часовая заводная головка, которая преобразует механическую энергию в электрическую.

Эксперт сделал паузу, как настоящий актер разговорного жанра, показывая, что сейчас будет самое интересное. И увенчал речь:

– В нашем же случае нажатием на эту, с позволения сказать, заводную головку был активирован электродетонатор.

– Ничего себе раритет, супергаджет с начинкой, – пробормотал Станислав, – ну допустим, а, например, мощность?

– Не менее ста граммов в тротиловом эквиваленте.

– Сколько-сколько? – переспросил Крячко, и Гуров тоже решил, что ослышался.

Однако эксперт повторил: да, именно столько. Пришлось поверить.

– Так, а вы уверены, что это настоящий карбон, золото и прочее? – спросил Лев Иванович.

– С ручательством, – ответил эксперт, – пробы показали именно это.

– Выходит, что кто-то не поленился и не пожадничал, изыскал и выпотрошил дорогуший телефон, начинил его... кстати, что за вещество, установили?

– С этим связан еще один, весьма неприятный момент.

– Для вас?

– Для всех. Как я и предполагал, формула этого вещества не похожа ни на одну общеизвестную.

– Вот так так...

– Удивительная штукация, – заверил эксперт, чуть не улыбаясь, но тотчас изгнал неуместную мимику, – в общем, ситуация весьма серьезная. С учетом того, что только-только устаканилось...

Понятно было, что он имел в виду.

Вот уже как два месяца лихорадило и столицу, и окрестности: в различных районах произошло вот уже несколько взрывов, причем ни исполнители, ни цели, которые они преследовали, оставались неизвестны. Требований никаких никто не предъявлял. Ответственность за теракты тоже никто не брал, и по обстоятельствам дел весьма непросто было понять, кому

все это надо. Следы взрывов обнаруживались в лесопарках и полосах зеленых насаждений, но это полбеда.

Так, в одну из пятниц в аккурат на пути от метро к Соборной мечети на газоне около храма (вот так-то) материализовалась табличка: с одной стороны намалевана была карикатура на пророка, с другой – красивыми буквами выведена антихристианская нецензурщина.

Кто первый попытался вытащить эту дрянь из земли – завсегда таи мечети или церкви, – осталось неясным. При попытке грянул взрыв, от которого досталось всем. Пятеро в критическом состоянии, еще более десятки посечены осколками – хорошо еще, что неизвестные не стали особо заморачивались с проработкой маршрутов и временем размещения. Помести они свою мину-ловушку в другом месте и в другой день – скажем, в проезде между домами, на пути следования основной массы верующих и большого количества попрошаек, на Курбан-байрам или на Троицу, – жертв и разрушений было бы куда больше.

Лишь чудом удалось избежать беды на Чистых прудах, где немалый переполох случился из-за тикающей жестянки пива, оставленной под скамейкой. Пошутил кто-то? Взрывотехникам было не до скепсиса, это был тот самый случай, когда паранойя спасла не одну жизнь: в банке оказался пластик.

В районе Нескучного сада, подобрав пакет с соком, лишился пальцев бомж. Жаль человека и грех говорить, но все-таки на его месте мог быть ребенок.

В общем, столица стояла на ушах, слухи ползли один другого чернее, силовики негласно перешли на усиленный вариант несения службы. Специалисты – все, которые были, с боевым опытом или без такового – позабыли про побывки и отпуска, прочесывали парки, лесопарки, места отдыха, детские и спортплощадки, увеселительные заведения. На местах активно работали с населением всех возрастов. Снова повсеместно появились позабытые было плакаты с напоминанием: не трогать бесхозные сумки, телефоны, коробки. На транспорте постоянно транслировались, как устно, так и письменно, директивы: при обнаружении подозрительных предметов, не трогая их, обратиться к машинисту, водителю, полицейскому. Парочка порядком подзабытых, некогда популярных блогеров уже на голубом глазу утверждала, что силовики, – к слову, так тщательно и, как выясняется, напрасно поливаемые ими грязью – спасли от безвременной кончины их бесценные персоны.

Обычные же люди шарахались от любого более или менее объемного мусора, линия «сто двенадцать» разрывалась от сообщений. И все-таки не напрасно: среди этой лавины панических сообщений о пустых пивных банках, сумках под столом в уличном кафе, о сигаретных пачках на скамейках, среди всего этого шлака было обнаружено несколько взрывных устройств, и сумели-таки предотвратить по-настоящему серьезные беды.

– ... Но вы говорите, что взрывчатка нетрадиционная, – еще раз уточнил Лев Иванович.

– Да, формулу не назовешь классической.

– И сработала адская машина не в общественном месте, как положено при теракте, а в обычной квартире обычных людей.

– И это факт, – согласился эксперт.

– А если предположить случайное срабатывание? – спросил Станислав.

– Предполагать можно что угодно, – с сомнением начал эксперт.

– ... да к тому же не пакет с соком, не банка из-под пива, – задумчиво продолжил Гуров, – это муляж, корпус дорогого телефона.

– Причем, если позволите... не считите за выпендреж, но среднестатистическому гражданину ни внешний вид данной тушки, ни это название ничего не скажет, – заметил эксперт, тотчас оговорив, что ни психолог, ни социолог, ни маркетолог и точно не может сказать, насколько узнаваемы у россиян такого рода бренды.

Прощаясь, он попросил лишь:

– Только, господа полковники, насчет того, что взрывчатка нестандартная, – это строго конфиденциально. Во-первых, я еще и сам не уверен. Во-вторых, можете представить, во что может вылиться утечка информации, что вот под Москвой рванул неизвестный состав.

Глава 5

...Мария снова вмешалась:

– Неплохо, и все-таки я, Лева, поспорю: как раз среднестатистический босяк вполне способен клюнуть на телефончик с золотыми кнопочками. Как отмечает уже современный классик, ничто так не обличает бедноту, как умение разбираться в дорогих часах и машинах. Само собой, чужих.

– А вот тут, при всем недоверии к современным классикам, нельзя не согласиться, – высказался супруг, – и все-таки нас со Станиславом также заинтересовал вопрос о том, каким образом в квартиру именно к этим простым подмосковичам...

– Невесть как, – размышлял вслух Крячко и уточнил: – Они же простые?

– Как дважды два и горбушка бородинского, – подтвердил Гуров, разбирая уже поднакопившиеся бумаги.

Денис Алексеевич Романов, сорок два года, образование среднее специальное, место работы: «Мокшанский завод «Компонент», электромонтажник, не был, не привлекался, не замечен. Нина Викторовна Романова, сорок лет, образование среднее, не работает, находится в отпуске по уходу за ребенком.

– Простые, значит, – повторил Крячко, и в его голосе послышалось Гурову скрытое злорадство.

– Да уж, не особо сложные.

– Вот про таких, как вы, господин полковник, сказано: страшно далеки они были от народа, – поддел Станислав, – потому так оно всегда и получается, если парить в эмпиреях вместо того, чтобы с народом общаться.

Коллега не остался в долгу:

– Так не хочу хлеб твой отбивать. Станислав Васильевич, прекращай ребячиться, говори, если есть что.

Крячко с удовлетворением откинулся в кресле, сплел пальцы, покрутил большими – картина полного удовлетворения и превосходства.

– Да вот, Лева, насчет простоты жены имеются обоснованные сомнения.

– Любопытно было бы узнать.

– Выяснилось, что пострадавшая Нина Романова...

– Я помню.

– Молодец. Так вот, она в роде своем местная знаменитость, можно сказать, звезда.

– Какого же плана?

Станислав хохотнул:

– Разноплановая, разносторонняя особа. Как она тебе показалась, по фото?

– Никак.

– Ну, это понятно, ты у нас человек избалованный.

– Нельзя ли ближе к делу? Не томи уж.

– Так интересно же то, Лева, что вот это «никак» относится к даме, которая сызмальства считалась первой красавицей села.

– В каждой губернии свой масштаб.

– Да. Выросши же, проявила себя как настоящая... мягко выражаясь, беспутная.

«Ах вот оно что. Пообщался Станислав с бабской половиной поселка и набрался впечатлений». Гуров улыбнулся:

– До какой степени беспутная, твои источники не уточнили? Или весь криминал в том, что она курит прилюдно и ест на ходу?

– Обижаешь! Беспутная – в терминологии источников означает именно «гулящая», «до мужиков лакомая», «ведущая беспорядочную половую жизнь совершенно бесплатно»...

– Это не криминал, а традиция.

– ...и к тому же жила с местным бандитом.

– Так, вот это интересно, – признал Гуров, – кто таков? Мы его знаем?

Станислав Васильевич указал на то, что в сортах подмосковного навоза не разбирается:

– Делать мне больше нечего. Каждого местечкового гопника в лицо запоминать – запоминалка не сдюжит. Кличка известна: Лёля Тротил.

– Именно так, запросто и любовно.

– Именно так. Насколько можно было расшифровать сообщения бодрых старух, промышляя рэкетом и автоподставами, а еще – внимание – торговал взрывчаткой. К тому же нечто вроде олигарха, связан с администрацией горокруга. В девяностые пытался захватить местный завод пиротехники.

– Кстати, что за завод?

Полковники, полазив по интернету, обогатились скудно: из данных, размещенных на лаконичном сайте, на коленке сделанном, следовало лишь то, что снаряжательный завод в поселке Мокша основан еще в 1905 году как поставщик патронов Двора Его Императорского Величества, а теперь скромно производит пиротехнику и «специальную сигнальную продукцию».

– Лучшие составы, более десяти гектаров основной территории и десять испытательного полигона. Однако, – одобрил Крячко, – а говорят, что за МКАДом жизни нет.

– И обрати внимание на ассортимент, – Гуров указал на экран пером «Паркера», – ручные имитационные пиротехнические гранаты и дымовые шашки.

– Интересно, свидетели показали, что Денис работал и на этом заводе, пиротехником, – заметил Станислав, – а жена, в девках пребывая, жила с торговцем взрывчаткой. Нашли друг друга. Было что обсудить тихими семейными вечерами.

– Не ерничай. Скажи лучше, что в картотеке по этому персонажу.

– То-то и оно, что ничего, – поведал Крячко, руками разводя, – это любопытно: фигуре самое место в нашей коллекции негодяев, ан нет.

– Странновато. Бабки знают, картотека нет.

– Ну вот так вот. Рассказчики же баяли, что «держал» чуть не все Подмосковье, дальше и ближе...

– Это дела местечковые, – улыбнулся Лев Иванович, – панночка самая красивая на хуторе, душегубы – самые кровожадные, а голову аж в Полтаве знают.

– Ладно тебе, шовинист московский. В любом случае детали уточить не у кого: сгорел Лёля вместе со своим коттеджем, что по ту сторону канала.

– Что ж, достойная гибель для туза. А в каком году это было?

– Вроде бы около пяти лет назад, по словам дружелюбных аборигенов.

– Понято. Ты по сводкам, случайно, не глянул?

Крячко уточнил:

– Ты сегодня твердо решил со мной поссориться?

Гуров заверил, что нет, хотел бы – давно рассорился.

– Само собой, пробил – только снова пусто. То есть подобного рода фактов много, но конкретно описанного Тротила не удалось отыскать. То регион не тот, то не Лёля.

– И неудивительно, они там знатные замазыватели. Слон в лесу сдохнет – и того втихую прикопают.

– В любом случае Нина, тогда еще Лайкина – как бы гражданская вдова загадочного Лёлечки. И долго еще после гибели «мужа» рассекала по мокшанским горкам исключительно на «мерсе» с московскими номерами.

- Что ж, дела житейские. А что за коттедж, не поведали твои всезнайки?
- А по ту сторону канала коттедж, резиденция, в которой у них гнездышко было. Ты, может, его и видел с балкона?
- Не припоминаю, – признался Гуров, – а что уберегло Нину от гибели вместе с якобы мужем?
- Куда-то она отъезжала, что ли. Или поссорились.
- Так, а после гибели любимого «вдова» немедленно образумилась, вышла замуж, родила ребенка и потом нежданно-негаданно стала жертвой неизвестного, но остроумного и щедрого бомбиста. Как тебе промежуточные итоги, не диссонируют?
- Вполне логично, коллега.
- В любом случае куда проще смириться допустить, что жена с дорогими гаджетами знакома, – отметил Лев Иванович, – хотя откуда у простых ребят дорогой телефон, который не по карману ни мужу, ни жене... источники-то что говорят насчет благосостояния?
- Говорят, никакого.
- Где «Мерседес» с московскими номерами?
- После того как Денис уволился с пиротехники, продали машину, чтобы прожить.
- А уволился в связи с чем?
- Якобы производственный конфликт, возвели на него напраслину, пропажа компонентов, что ли... старушечки все за покойного горой, понять что-то сложно.
- Допустим. Итак, жена в недалеком прошлом имела постоянную связь с загадочной личностью, по косвенным данным – торговцем оружием и рэкетиром...
- Крячко с сомнением спросил:
- Стоит ли копать в том направлении? Если это следы старых разборок, то почему через столько лет?
- Вышел кто из подельников, после отсидки. Хотя ты прав, если бы девчонка кому мешала, знала бы что ценное, то не стали бы ждать пять лет, пока дите вырастет, – Гуров с сомнением выбил дробь по столу, скривил губы, – что ж, случайность?
- Странная какая-то случайность, – заметил Станислав, – моя личная логика бунтует против того, что взрывчатка, замаскированная под понтовый телефончик, не могла иметь адресатом парня-трудягу, который ничего слаще морковки не пробовал.
- Согласен с твоей логикой. А если Романов сам устроил всю эту историю? – предположил Гуров. – Все-таки сведущий человек, работал и со взрывчаткой, и с электрокомпонентами. Чисто теоретически возможно предположить, что он мог сконструировать взрывчатку, упаковав так, чтобы искушенной жене понравилось...
- Крячко с сомнением подхватил:
- ...и, будучи опытным во взрывчатке человеком, даже не спрятался в туалете, где перегородки прочные? Сразу нет.
- Гуров кивнул:
- Да уж, проще простого голословно обвинять покойника. Пока для того, чтобы подозревать Романова, оснований нет.
- Предположим таинственного бомбиста?
- Тогда получается еще более странная картина. Некто достает телефон, который даже в распатроненном виде по-прежнему карбон и золото, то есть стоит немалых денег. Далее – не ленится изыскать неведомую даже эксперту взрывчатку, с тонким знанием психологии подстраивает все так, чтобы телефон оказался в квартире предполагаемой жертвы...
- Да и кто цель-то? Если бы муж, то зачем городить огород с гаджетом?
- А если жена? Информация по темному прошлому Нины сама по себе интересна, дает азимут, – признал Лев Иванович, – а весьма интересно мне, и дает пищу для размышлений сле-

дующий факт: почему все то, что ты на раз легко выяснил у случайных информаторов, не удалось сообщить Зубков, местный уроженец и по брови информированный участковый?

Крячко поскреб подбородок:

– О, бриться пора... темнит, гадюка. С чего это он тебе принялся названивать, а при личной встрече как в рот воды набрал.

– И ведь до того он в молчаливости и таинственности не был уличен, – Гуров глянул на часы, – Стас, поступило предложение. Если у тебя прямо сейчас нет неотложных дел, то, может, наведаемся к Романовой? Она в городской больнице, как раз поспеем к приемным часам. Ну а не поспеем – сдвинем время приемных часов.

– Хорошо ли? – джентльменски усомнился Крячко. – Больная дама, после эдакого-то потрясения... хотя ничего, не рассыплется, небось, уже оклемалась, с ее-то закалкой и жизненным опытом. А что больная, то и лучше, искреннее будет.

– Жестко, но согласен, – признал Гуров, – нечего турусы разводить, на фоне всей этой истерии со взрывчаткой каждый день на счету.

– А ведь загадочно, Лева. Все как-то успокоилось на бытовых причинах и самогонном аппарате. Я у Гришина-то, фээсбэшника, уточнил аккуратно: делает непонимающий вид, мол, что за дело Романова? Уже не работают. Вот, небось, таким нехитрым образом они и статистику на месте сохраняют.

– Что ж, нам проще, под ногами путаться не будут, – отмахнулся Лев Иванович, – попробуем напрямую спросить у Нины, как понтовая бомба оказалась у нее на кухне.

– Тем более пока некого спрашивать, кроме нее.

Глава 6

Дорога днем до городской окружной больницы, где находилась на излечении пострадавшая – пока, по крайней мере, так – Нина Романова, заняла немного. Как раз попали на приемные часы, и это было весьма кстати. Очень условные там формальности на вход, и не пришлось объясняться с применением удостоверений.

Без сюрпризов не обошлось: как раз, когда сыщики, представившись дядями пострадавшей, выясняли в регистратуре, в какое отделение отправляться, с лестницы на выход направлялся участковый Зубков.

– Лева! – возмутилась Мария, крутанув в пальцах пилочку. – Что, хочешь сказать, что убийца дворецкий, то есть участковый?! Протестую.

Лев Иванович попенял:

– Нетерпеливая ты женщина! Если угодно, могу вообще хоть сейчас замолчать.

– Это как хочешь, но перед этим лучше скажи сразу: Сережа – убийца? Если так, то жажду знать, в каком он СИЗО.

– Зачем?

– Калачика занесу. Я ему симпатизирую. Короче, признавайся, иначе слушать перестану. И пришлось заверить, что нет, не Зубков убийца.

Хотя...

...Увидев знакомую фигуру, Крячко немедленно съязвил:

– Укрепляем связи с отдельно взятым населением? Или просто так зашел, по пути? – До Мокши, окормляемой Сергеем, было четыре остановки на электричке.

– Как она, Сережа? – спросил Лев Иванович.

– Жива, – пробурчал покрасневший участковый, – пока достаточно. Быстро удалось в больницу доставить. Правого глаза нет, лицо посечено, ранения груди и рук. Но руки удалось спасти.

– Ты у нее выяснял что-нибудь? Или сама поведала?

Зубков открыл было рот, но сдержался, ответил безукоризненно корректно:

– Я, Станислав Васильевич, господин полковник, навестил частным порядком пострадавшую женщину, старую знакомую.

– Ты-то почему?

– Потому что больше некому. Она сирота, родителям Дениса не до того, да они ее и так не особо жаловали. Теперь отмывают квартиру, вставляют стекла, сказками внучку утешают. Удовлетворяет мое объяснение?

– Сергей, не заводись, нехорошо, – заметил Гуров, – не забывай: это ты частным порядком, а мы по службе.

– Прошу прощения. Я ни о чем не спрашивал. Честь имею. – Щелкнув каблуками, Зубков развернулся и ушел.

– Мало того что темнила, еще и нахал, – заметил Станислав.

– Он не виноват, он таким родился, – объяснил Гуров, знакомый с обсуждаемым субъектом более тесно.

Поднялись на этаж, обратились к дежурной по отделению, та, проявив бдительность, все-таки позвала врача, а тот попросил-таки удостоверения. И, придирчиво изучив их, заметил, что при состоянии больной Романовой частые визиты товарищей из органов не особо желательны. Хотя опасности для жизни нет, и все-таки вот только-только ушел товарищ.

Крячко немедленно поправил:

– Тот, который ушел только что, визит наносил не от органов, а от себя лично. Так что элемента частоты как раз никакого нет. Раз смогла принять его, цветочки-апельсины, сдюжит и нас.

– Хорошо, но...

– Мы ненадолго, – пообещал Гуров, но честно поправился: – Постараемся ненадолго.

Пострадавшую перевели уже в обычную палату, рассчитанную на шесть мест, но поскольку соседей не было, то получилось одноместное, комфортное размещение. Нина Романова, забинтованная до состояния мумии, занимала койку у окна. На прикроватной тумбочке, заботливо застланной чистой салфеткой, стоял стаканчик с цветком, бутылка воды, лежали на тарелке фрукты.

Не одинокая, брошенная женщина. Однако все-таки Романова производила такое тягостное впечатление, что даже железобетонный Крячко смягчился, спросил в меру участливо:

– Доброго дня, Нина, как вы чувствуете себя?

На свет божий смотрел лишь один – как уже было известно, единственный оставшийся – карий глаз, и был он хотя и очень красивый, но взгляд острый, недобрый, настороженный. Женщина разлепила губы, обметанные белым:

– Спасибо, неплохо. Вы откуда?

– Да все оттуда же, – заверил Станислав, поднеся поближе удостоверение, – вы сможете ответить на несколько вопросов?

– Смогу.

«А ведь прав Стас, – отметил про себя Гуров, в свою очередь, демонстрируя свою книжечку, – либо она пострадала куда меньше, чем пытается показать, либо побывала и не в таких переделках. Держится для пострадавшей весьма достойно».

Вслух же сказал, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально-участливо:

– Скажите, пожалуйста, ваш супруг работал на производстве электрокомпонентов?

– Верно.

– А до того – на производстве пиротехники.

– Все верно.

– Вы находились в отпуске по уходу за ребенком.

– Так.

– Имели какие-то дополнительные источники дохода?

– Не понимаю вопроса. В связи с чем он? Вы не налоговая инспекция.

– Верно, не налоговая. И все-таки ответьте, пожалуйста.

– Нет. Никаких дополнительных источников.

– Был ли у вас в доме дистиллятор? – спросил Станислав.

– Самогонный аппарат? Ничего подобного мы в доме не держали, – решительно, насколько это было возможно в ее состоянии, заявила Нина.

– По предварительным данным, взорвался именно он, – заметил Лев Иванович.

Единственный глаз вспыхнул, ожег, как углем:

– Плюньте тому в рыло, кто это сказал. Мой муж не алкоголик.

– К сожалению, это уже не важно.

– Важно.

– Хорошо, не будем спорить, – согласился Гуров, – давайте тогда начистоту и о насущном. Есть версия, в пользу нее говорит и заключение экспертизы...

Честно говоря, в глубине души тлея надежда на то, что безутешная вдова все-таки сама скажет, откуда у них в доме появился дорогой гаджет. Надежды не оправдались, поэтому пришлось задать вопрос напрямую:

– В семье работал один муж, дополнительных источников доходов, по вашим словам, у вас не было. Кому принадлежал телефон «Улисс нардin», раритетный, редкий телефон швейцарской фирмы, рыночная стоимость – девять-десять тысяч долларов?

Нина ответила кратко:

– Я нашла его.

– Вот так так, – не сдержался Крячко, – где же? На Новый год, под елочкой?

– Нет, – спокойно возразила она, – гуляла с ребенком, нашла по дороге домой.

– Где?

– Я же говорю, когда с дочерью шли домой с прогулки.

– Откуда?

– С прогулки, – повторила она.

«Ну вот, включила дурочку».

– Ну а гуляли-то где? – терпеливо уточнил Гуров.

Она прикрыла глаз, точно утомленная пустыми разговорами:

– Вдоль канала. Туда-сюда, знаете ли.

– Значит, нашли по дороге к станции? – спросил Крячко, тоже очевидно начиная терять терпение.

Нет, не по душе ему была эта дамочка, несмотря на жалкое и пострадавшее положение.

– Да.

– Почему не отнесли в полицию? – поинтересовался Лев Иванович. – Дорогая вещь.

– Откуда мне знать, дорогая она или дешевая.

Неплохо врет, глядя прямо и твердо. Сразу видно, ей не привыкать.

– Ах да, это верно. Откуда же.

Безошибочно уловив насмешку, Нина уточнила деревянным голосом и скучным тоном:

– Я подумала, что хозяин догадается позвонить на свой номер, мы договоримся о встрече, передам с рук на руки. Не позвонил бы – отнесла бы в полицию.

– Что ж, оставим пока и это, – покладисто согласился Гуров, – как дело было потом?

Подняли вы телефон, и что?

– Положила в сумку.

– Не включали телефон, на кнопки не нажимали?

– Нет. Просто осмотрела и положила.

– И все-таки, – вмешался Крячко, – зачем подобрали бесхозную вещь? Разве не знаете, что этого нельзя делать, а надо, не трогая, сообщить полиции? Телевизор не смотрите?

– Не смотрю, – колко отозвалась она, – и кому у нас в поселке подсовывать бомбу в мобиле?

– Теперь некому, вы правы, – согласился Станислав, довольно двусмысленно, – и что же произошло, когда вы вернулись домой?

– Подъехали дедушка с бабушкой, забрали дочку к себе. Сумку же взял муж... Денис, – женщина помедлила, точно переводя дух, – сейчас...

– Ничего.

– Сумку он унес на кухню. Потом... все. – Она скривилась, попыталась отвернуться, поднять забинтованную руку и расплакалась.

Крячко налил, преподнес стакан воды к трясущимся губам. Она выпила несколько глотков, стуча зубами о стекло.

– Спасибо.

Подождав несколько, для приличия, Станислав мягко спросил:

– И все-таки простите, я должен задать вопрос, который покажется вам бестактным.

– Какой.

– Не было ли у вашего мужа причин для ревности?

«Ох ты, как глазом-то сверкает. Прав Стас, не такая уж она бессильная, несчастенькая, того и гляди рванет сейчас не хуже телефона».

Однако Нина сдержалась, только слезы моментально втянулись, и теперь ее единственный глаз так и грел черным огнем. Подчеркнуто вежливо, без тени смущения, она ответила:

– Я не стану отвечать на этот вопрос.

– Как вам будет угодно, – вмешался Гуров, – ну а у вас не было таких поводов?

– И вам я отвечать не собираюсь. Это мое дело, личное.

– Ошибаетесь, гражданочка, – заметил Крячко, – имеет место труп, применено опасное вещество, вы же сами отрицаете, что взорвался самогонный аппарат?

Тишина.

– В общем, и при наличии таких моментов любое дело личное становится общим.

Нина упрямо хранила молчание.

– Что ж, как вам будет угодно. Если бы вы ответили – спокойно, без сердца, то мне не пришлось бы задавать другой вопрос: не считаете ли вы, что происшествие связано с вашим прошлым...

– Что это значит?

– Не может ли эта трагедия быть связана с неким Леонидом, или Алексеем – в общем, с Лёлей по кличке Тротил?

С лицом у этой дамочки творилось черт знает что: казалось бы, вся забинтованная, но гримаса была зверская, и глаз почти из орбит вылез, и прямо кипели в нем злющие слезы. Очевидно, она пребывала в ярости.

– Понятия не имею, о ком речь, – отчеканила Нина, но губы кривились в какой-то инферальной, сардонической улыбке, – а теперь подите оба прочь. Ни слова больше не скажу.

Глава 7

– Левушка, пока мне все нравится, – одобрила жена, и Гурову показалось, что она как-то воровато откладывает свой собственный телефон. Никак записывает.

Однако «всем довольная» Мария – не настоящая, потому-то она продолжила:

– И все-таки покритикую. Вам, опытным сыщикам, сам бог велел отнестись к этим показаниям, скажем так, со скепсисом.

– Не без этого, – благодушно согласился муж, – а почему, позволь узнать?

– Полагаю, что на своем веку вы каких только историй не выслушали такого же плана. Иду в меланхолии из пивной, люблюсь луной, зашел в кустики – а там ба! Пистолет и ящик с гранатами. И кто это потерял?

– Не совсем в точку, но в целом да, подобное приходилось слышать, и не раз, – подтвердил Гуров, – «находили» пистолеты, автоматы, тротилы и пулемет «максим» с лентами – ну а что? Эхо войны. Откопали, вот несли как раз в полицию. Само собой, пахнет такая вот случайная находка обычным враньем. Но был еще один резон сомневаться в правдивости вдовы. Точнее, целый ряд резонов.

...Как только покинули больницу, уточнив предполагаемое время выписки больной Романовой – примерно дней через восемь-десять, – Станислав взял слово:

– При всей моей личной антипатии к этой отдельно взятой дамочке...

– ...не видишь причин ей не верить? – завершил мысль Лев Иванович. – Нечто вроде этого я и сам хотел заметить. Человек в шоковом состоянии, более того – женщина, мать, ведет себя уверенно и спокойно.

– Да еще и негодует вполне искренне.

– А если предположить, что у нее просто нереальная психологическая устойчивость?

– Или то, что она ни при чем, – в свою очередь, закончил Станислав, – по мне, так справедлив именно этот вариант. Можно, конечно, вернуться попозже под формальным поводом уточнить кое-что, попробовать спровоцировать...

– Есть ли смысл? – спросил Гуров. – Будь это мужик, то провокации имели бы смысл, но женщина взорвалась бы сразу.

– Ты порядочный шовинист, – горько констатировал Крячко, – несмотря на свой богатый, пусть и специфический опыт, стало быть, не допускаешь и мысли о том, что женщина в состоянии впихнуть в телефон сто грамм тротила?

– Почему ж. В кино – пожалуй. Но в жизни дамочка, желающая избавиться от супруга... не берем привлечение третьих лиц... скорее нажарит ему сковородку картошки с бледной поганкой.

– Ну, или крысиного яду в водку. И все-таки нельзя исключать?..

– Нельзя, – согласился Лев Иванович, – потому-то мной оформлен запрос в картотеку, но уже не по поводу легендарного Лёли, а по поводу осязаемой, неоднократно выданной Нины Лайкиной, чтобы исключить то, что исключать нельзя.

– Ах, запрос, – протянул Станислав и уже открыл было рот для ответа, но тут у него завибрировал телефон; полковник, глянув на экран, довольно ухмыльнулся и ответил: – Слушаю вас внимательно.

Разговор, точнее монолог – ибо участие Крячко сводилось лишь к тому, чтобы вовремя издавать подбадривающе «угу», – продлился около десяти минут. После чего коллега с видом занятого мага (или шпиона) предложил заехать «тут, неподалеку».

Лев Иванович, разумеется, не возражал: во всем, что касается обработки вспомогательных источников информации, на Станислава вполне можно положиться. Поскольку Крячко был за водителя, то вполне ожидаемо свернул с шоссе в Мокшанские горы. Попетляв немного

вверх-вниз по холмам, припарковался во дворике пятиэтажки, в которой располагалась квартира Романовых и Зубкова. Вот его окна, на пятом этаже, ошестившиеся антеннами, тарелками и проволоками.

– Приехали, Лева. Ты со мной? Или будешь сидеть тут, ожидать результатов из картотеки?

– У меня аллергия на бездействие, – съязвил Гуров, – пойдем уж, помогу тебе. Работа со свидетелем все-таки, дело деликатное...

Он не договорил и замолчал, поскольку к машине подошла незнакомая особа. Неопределенного возраста, худенькая, бледненькая, с короткой по-мальчишески стрижкой. На симпатичном носике не по сезону веснушки и неожиданно современные очки. При взгляде на нее приходило на ум слово «простенькая».

«Губы тонковаты, – заметил Лев Иванович, в силу особых обстоятельств искушенный в вопросах женской красоты, – наверняка сплетница. Держится скромно, но ощущается уверенность... учительница? Медик?»

Поздоровавшись с Крячко, пришелица сообщила:

– Станислав Васильевич, я как раз привела ее из поликлиники, мы дома.

Голос у нее негромкий, но ясный, отчетливый, с чистой дикцией, как-то сразу становилось ясно, что может она заставить себя слушать.

«Нет, скорее преподаватель».

– Спасибо, что позвонили. И она не против поговорить? – уточнил Крячко.

– Что вы, она будет только рада.

– Вы так считаете или?..

– Она сама сказала.

К немалому удивлению коллеги, Станислав перехватил тоненькую ручку и от души ее чмокнул:

– Благодарю вас, вы бесценный человек!

Однако та оказалась крепким орешком. Признательность приняла, но таять не спешила, лишь заметила:

– Просьбу вашу было непросто выполнить, зато более полезного для вас человека и представить сложно. Она завуч нашей школы, около полувека на посту.

– Всю подноготную ведает?

– Совершенно верно. Если она не знает, никто не знает. К тому же она была классным руководителем... – Тут она, увидев в машине Гурова, смолкла, наклонилась и довольно бесцеремонно принялась его разглядывать.

И Лев Иванович, получив возможность рассмотреть Стасова информатора лучше, не мог не отметить: губительное обаяние коллеги распространяется на все слои дамского общества.

«Ах ты старый ловелас. Ведь это явно учительница, и не из простых. Строгая особа. Ишь как смотрит, точно пытаюсь припомнить, чей я папаша. И ведь не стара еще, хотя засушила себя порядком. А может, и по юности не цвела...»

По глазам новой знакомой – очень светлым, почти бесцветным, и потому зрачок зиял, аки прицел, – было понятно, что и ей Лев Иванович не особо по нраву. Обратилась она к Крячко:

– Простите, а это?..

– Коллега мой, Гуров Лев Иванович, настоящий полковник, – отрекомендовал Станислав.

– Елена Васильевна.

– Как прикажете. Мне кажется, к вам рановато еще по отчеству обращаться, – улыбнулся Гуров.

Нет, не прокатил пробный шар, строга Елена Васильевна. Крепкий орешек, к голубым глазам и открытым улыбкам устойчивая.

– В возрасте моем сомневаетесь? Прошу.

Нет, все-таки некое кокетство в ней присутствовало, иначе к чему пихать паспорт тому, кто не просит? Но раз уж настаивает. Гуров автоматически перелистнул страницы: фото, дата рождения... в самом деле, молода Аленушка... так-с, местная, улица 2-я Центральная, дом три, «Семейное положение» – пусто, «Дети» – пусто.

– И как впечатления? – поинтересовалась Елена Васильевна.

– На свои года не выглядите, – отозвался Гуров, не осознав, врет ли, или сказал чистую правду. Елена Васильевна из таких стабилизированных особочек, которым легко может оказаться от двадцати пяти до пятидесяти. Что ни скажи женщине о возрасте, не угодишь ей. Впрочем, в данном случае вроде бы прошло удачно. По крайней мере, она назидательно сказала: «То-то!» – и уже совершенно по-товарищески, охотно поделилась рецептом вечной молодости:

– А вы переезжайте к нам, Лев Иванович. Побегаете всю жизнь вверх-вниз по нашим горушкам – глядишь, и сохранитесь не хуже.

Смотри-ка, языкастая особа, и не без кокетства.

– Спасибо, буду иметь в виду.

Станислав вернул беседу в деловое русло:

– О физкультуре и активном долголетии потом. Вернемся к нашим делам. Аленушка, как вообще Анна наша Георгиевна? Здорова ли, в памяти?

«Аленушка! Ничего себе у них как запросто».

– За это даже не переживайте, – завершила та, – в самой чистой и крепкой. Всем бы нам такую память в ее возрасте, если доживем, конечно. Пойдемте, ждет ведь.

Они вошли в знакомый подъезд, поднялись на последний, пятый этаж, – причем полковникам приходилось тайком переводить дыхание, а бодрая Аленушка делала вид, что прогуливалась, двигаясь легко, без никакого напряжения, – позвонили в обычную дверь, обитую допотопным дерматином, слева от двери Романовых.

Мельком глянув на нее, Лев Иванович с неудовольствием понял, что снова насвистел Зубков: «А между прочим, опечатана квартирка-то». Он проверил бумажку с печатью – приклеено на совесть, не повреждено. Станислав тоже увидел, ничего не сказал, лишь бровями дернул. Этого универсального мимического движения было достаточно, чтобы обменяться совпадающими мнениями.

«Порядочная дрянь этот наш Зубков, врущий на голубом глазу. Родители Дениса заняты, приводят квартиру в порядок, как же! Что за национальная развлекуха у них тут – врать по поводу и без повода?»

Итак, Алена нажала кнопку звонка. Переливы его за дверью вызвали приятную ностальгию, щелчок допотопного замка – тоже. Венцом приятного этого чувства стала и старуха, возникшая на пороге: довольно высокая, с царственной осанкой, даже возрастная полнота придавала ей внушительности. К тому же облачена хозяйка была в элегантное домашнее платье, да еще с белым кружевным воротничком, и опиралась на массивную трость с отполированным набалдашником. То ли учительница из советского фильма, то ли классная дама, из тех, что лупили благородных девиц линейкой по пальцам.

– Милости прошу, – и голос такой, хоть в кино запускай, настоящий преподавательский, глубокий, звучный, – Елена Васильевна предупредила о вашем визите.

Анна Георгиевна пригласила их в крохотную, но сияющую, до скрипа чистую кухню, указала на венские стулья, для мягкости устланные плетеными ковриками. Тут было мирно, уютно, на окне полыхали герани, никаких сопливых электрочайников и кофеварок не наблю-

далось и в помине. Уточнив, кто что будет, Алена принялась привычно хозяйничать: поставила на огонь чайник, принялась крутить ручку деревянной кофемолки.

Анна Георгиевна приступила к главному:

– Алена сказала, что вас интересует художественный портрет моих соседей и учеников.

– Вы правы, интересует, – подтвердил Гуров.

– Надеюсь, молодой человек, вы не рассчитываете на объективность? Вы же понимаете, что я пристрастна, как учитель, более того, классный руководитель. И не судья я ни Романову, ни Лайкиной.

– А нам именно и важны сугубо субъективные познания именно такого человека, как вы, – охотно пояснил Крячко, почти искренне.

– И позвольте сразу уточнить, – попросил разрешения Гуров, – судя по тому, как вы их называете, вы этот союз не одобряли.

Старая учительница вздернула черную бровь, глянула испытующе. Но насколько чисты были две пары этих глаз, настолько открыты и простодушны взгляды – ни тени насмешки, или, упаси боже, недоверия, – что она успокоилась и продолжила:

– Вы внимательны, молодой человек, быстро схватываете и делаете в целом правильный вывод. Ваша правда, не одобряла, – она чуть пристукнула палкой, – и, как видите, оказалась права.

– Вы имеете в виду случившееся несчастье, – уточнил Станислав.

Анна Георгиевна величественно кивнула:

– Я имею в виду целую цепь несчастий. Видите ли, мой богатый профессиональный и жизненный опыт позволяет утверждать: любой наш необдуманный поступок – большой ли, малый, – непременно приведет к трагедии.

– Неужели трагедии?

– Уж мне-то поверьте. Может, употребила громкое слово, но вы же не станете спорить с тем, что иной раз и сломанный ноготь – трагедия. Да-а-а... не стану отрицать, что Нина Лайкина – это моя трагедия, личная. Самая крупная и даже единственная педагогическая неудача, полная и безоговорочная.

– Все ли так плохо? – вежливо усомнился Гуров. – Вы не преувеличиваете?

– Нет. Более того, воспринимаю нашу встречу как попытку исправить то, что еще можно. Лег мне много, человек я одинокий, детей собственных нет. Денис – мой крестник, а с мамой его... она у нас медсестрой работала... мы старые приятельницы. Из этого понятно мое отношение к Лайкиной.

– Простите, – Крячко учтиво поднял ладонь, – Анна Георгиевна, не забывайте, что сами мы не местные и совершенно не осведомлены о взаимоотношениях внутри вашего социума. Нам детали важны.

– Понимаю, – заверила старая завуч, – давайте по порядку, с главного.

Она пошевелила бровями, губами пожевала внезапно по-старушечьи и начала так:

– Никто так и не понял, зачем Денис женился на Нине. Большинство людей, близко их знавших...

– То есть весь поселок, – невинно вставил Крячко, но старуха и ухом не повела:

– Именно. Все были шокированы его женитьбой. Особенно сильным было потрясение для девочек, знавших и его, и ее... одну минуту. Аленушка, принеси, пожалуйста, альбом. Тот, ты помнишь.

Та помнила и удалилась.

Старуха-завуч проводила ее материнским взглядом:

– И это моя ученица, исключительный алмаз. Умница, настоящая подвижница – после училища вернулась в родную школу. Порядочный, стабильный человек, не то что некоторые.

Увы, одинока, как и я, вот позвала ее к себе жить, выжил ее брат с жилплощади. Все не страшно теперь помереть одной. Вся Алленка в заботах и работе...

– Крепкая старая школа, – демонстрируя полное понимание, заметил Станислав.

Анна Георгиевна посмотрела удивленно:

– Почему ж старая? Аллена – ровесница наших с вами предметов, Лайкиной и Романова.

А какой контраст!

«Контраст тот еще, – мысленно согласился Лев Иванович, припоминая Нину, – особенно в сравнении с пышной Лайкиной... хотя, с другой стороны, та, может, и мигом отцветет, а эта, как роза в колбе, в таком виде сохранится насовсем».

По-матерински добрую речь и фривольные размышления прервало новое явление обсуждаемой Елены Васильевны. Она появилась прямая, с втянутыми щеками, торжественно выложила на стол обтянутый бархатной тканью альбом, толщиной с добрую энциклопедию.

– Вот Денис Романов, – пояснила старая учительница, постучав по одной из карточек карандашиком, – вы видели его?

Пришлось признать, что видели, но признать его было мудрено.

– Так смотрите, – просто предложила она.

Обычная фотография обычного одиннадцатого класса. Почти в центре, фактически гвоздем композиции возвышался – на голову выше иных ребят – красивый паренек, настоящая кинозвезда, светловолосый, голубоглазый, с открытой гагаринской улыбкой.

Анна Георгиевна вновь заговорила, спокойно, хотя поначалу губы у нее дрожали. Она поспешила припасть к изящной кофейной чашечке, и, когда посуда была отставлена, голос хозяйки звучал уже вполне ровно.

– Итак, Денис Романов. Мальчик уравновешенный, добрый, всегда готовый помочь, с характером. Очень зависим от мнения окружающих, при этом не желает в этом признаваться. Большие способности к точным наукам – мог бы идти на золотую медаль, но он с ленцой. Отец у него умер рано, в пьяном виде утонул, но Денис об этом узнал лишь тогда, когда мама второй раз вышла замуж...

– В связи с чем потребовалось сообщать парню такое? – спросил Станислав.

– Понимаю ваш интерес. Тут надо понять и маму Дениса. Он уже отдаляется в десятом классе, сложный возраст, а тут появляется у мамы поклонник, хороший, добрый человек, строго не пьющий. Видимо, ей захотелось несколько снизить непорочность папы, но сын есть сын... в общем, они очень сильно повздорили. Квартира изначально была Татьянинного мужа...

– Это настоящий отец Дениса? – уточнил Гуров. Что за привычка у этих людей излагать все так, как будто весь мир знает их соседей по именам?

– Верно. Она уехала к мужу в Москву, квартиру отписала сыну по дарственной – живи, как нравится. Он и жил. Тихо, чисто, ни пьянок, ни гулянок – пока не повелся с Ниной.

И вновь дернулись твердые губы, и снова припала она к чашечке, уже опустевшей.

– Впрочем, кое-что общее у них было.

– Что же?

– Родители-алкоголики, – без никакого осуждения, просто как факт, констатировала завуч.

– Негусто.

– Да, но в остальном Нина Лайкина – совсем иного сорта фрукт. Вот она.

Анна Георгиевна перекинула несколько толстых альбомных листов.

Да уж, красавица. Трудно представить себе столь неподходящих внешне людей. В Романове, при внешней простоте, читалась и внутренняя интеллигентность, и видно было, что человек мозгами не просто не обижен, а наделен щедро. Лайкина – совершенно иного пошиба персона: пышная, статная, с ошеломляющим бюстом, тонкой талией и толстой косой. И лицо,

по правде говоря, неправильное: глаза слишком близко посажены, нос слишком длинный, рот слишком широкий, лоб низковат...

И все-таки красива. Бывает такой результат всех возможных неправильностей.

Крячко озвучил собственную ассоциацию:

– Ни дать ни взять – молодая Солоха.

– Сравнение удачное, – одобрила старая учительница, – да и девица непростая. К слову, мама ее была не сахар, а эта... дерзкая, резкая, громкая, скрытная и прямолинейная. И, понимаете, все не вовремя, невпопад, с тычка, с рывка. Полное отсутствие деликатности, эмпатии, что думает, то и брякнет. Избалована изрядно, мать растила ее одна, ее... кхм... обожатели напропалую заваливали доченьку подарками.

– Подкупали то есть, – уточнила Елена Васильевна, которая, как казалось, совершенно не прислушивалась к разговору, натирая до безукоризненного состояния столешницу. По всей видимости, она была из перфекционисток, не терпящих ни малейшей неточности.

– ...наконец мать ее спилась и вообще пропала при темных, невыясненных обстоятельствах, – сделав вид, что не услышала, продолжала учительница, – к тому времени Нине было четырнадцать. Опекуном стала соседка, потом и она скончалась. Осталась одна, а у девчонки своя комнатка в коммуналке. Начались мальчишки, спиртное, сомнительные знакомства...

– ...на подвиги потянуло, – дополнила Елена Васильевна, адресуясь как бы в пустоту, – разъезжала на шикарных машинах.

Анна Георгиевна, чуть поморщившись, глянула с укоровой. Алена замолчала.

– Тогда, может, помните, было модно специально навинчивать московские номера, чтобы все видели.

– ...что пришел Вася к успеху, – снова донеслось откуда-то со стороны.

Анна Георгиевна кашлянула:

– Тут странное эхо, правда, Алена?

Та, немедленно замолчав, нырнула в холодильник, извлекла лимон. Взмахнула тонкими руками, как птичка крыльями – и на изящном блюде расцвел еще один невиданный цветок, с плачущими соком лепестками.

– Благодарю, – величественно кивнула престарелая диктаторша, – прошу вас, отличный лимон.

– А можно про сомнительные знакомства? – осведомился Крячко.

– Детали криминальной карьеры Нины мне неизвестны.

– А самого ее... фактического мужа, – Станислав весьма удачно изобразил смущение и подбор слова, – вы не знали?

Учительница тотчас отреклась:

– Нет, не мой это круг.

– А вы, Елена Васильевна? – спросил Гуров.

Женщина не возмутилась, но было понятно, что вопросом она недовольна:

– И не мой. К тому же они жили в сумеречной зоне, за каналом. Откуда нам знать-то?

– Хорошо, дела минувшие, – улыбнулся Лев Иванович, – продолжим. Наконец образовалась Нина и вышла замуж за Дениса.

– Вы очень все упрощаете, – с мягким неодобрением указала Анна Георгиевна, – хотя каким уж образом они с Денисом сговорились – отдельная тайна, заслуживающая исследования. И как они могли вообще найти точки соприкосновения, тоже затрудняюсь сказать. Они были совершенно, абсолютно, безусловно разные. Он мальчик скрытный, деликатный и на редкость интеллигентный и при том упрямый и своенравный.

Эхом донесся невесть откуда Аленин голос:

– А Нина пристрастилась за годы красивой жизни к выпивке. Сама принимала и его сбивала с пути...

– То есть Денис все-таки пил? – подхватил Крячко.

– Пьяным его никто никогда не видел. Он знал, что у него плохая наследственность, и не желал поддаваться данной слабости, – ответила Анна Георгиевна и по-особенному поджала губы, было видно, что эту тему она не собирается обсуждать.

Пожалуй, имеет смысл воззвать к сентиментальности, решил Станислав Васильевич и, как мог деликатно, сообщил:

– А нам вот подсказали, что Нина дождалась Дениса из армии.

Елена Васильевна фыркнула в блюдце, но тотчас прикрылась салфеткой. Престарелая завуч лишь подняла бровь.

– Звучит романтично, если припомнить, что, во-первых, теперь из армии ждут всего-то год и что, во-вторых, Нина за это время успела многое.

Гуров усомнился, пусть и с улыбкой:

– Что же, неужели Денис все понял и простил?

– Любовь оказалась зла. А возможно, и она наконец поняла, какое сокровище может потерять. В любом случае по возвращении она ему вывалила все и приняла отпущение грехов. Поженились, стали жить у Дениса. Первое время по привычке она попыталась продолжить разгульную жизнь, но на правах мужа он это быстро прекратил. Потом родилась дочка Лялечка – и Нина изменилась окончательно.

– Трогательно, – признал Крячко, – жили они дружно?

– Скандалов между ними никто не наблюдал, – точь-точь как ранее, относительно пьянки, сообщила Анна Георгиевна.

– Ревновала его, как кошка, – вставила Алена.

Станислав Васильевич уточнил, памятуя больничный разговор:

– Она его? Не он ее?

– Тоже мне, сокровище! И разнесло ее после родов, как аэростат, – пояснила тощая Елена Васильевна, – к тому же тяжело сохранять безмятежность, постоянно памятуя о том, что тебя «поняли и простили». Плюс послеродовая депрессия. Устраивала сцены... ну просто безобразные! Стоило ему из магазина задержаться – и готов скандал.

– Вы-то откуда знаете? – поддел Гуров (чего уж, все равно не подружатся).

– Дверь в дверь живем! – огрызнулась Алена.

– Ну-ну, – примиряюще вмешался Крячко, – скажите лучше, как сам Денис реагировал на подобные выходки?

– По-мужски, с юмором, – лаконично ответила старуха завуч.

– Хорошо, прямо спрошу. То есть ни у одного, ни у другой на стороне никого не было?

Грубовато у Стаса получилось для деликатного общества, пришлось спохватиться и смутиться:

– Вы меня извините, я же вижу, поселок небольшой, а в данном деле любая деталька, даже самая ничтожная и пакостная, может оказаться ключевой.

– Не стоит извиняться, – разрешила Анна Георгиевна, – вопрос справедливый и закономерный. Но лично я ничего не знаю. Алена?

– Тоже нет, – без тени сомнения заявила та.

– Удивительно, – простодушно заметил Стас.

Помолчали. Гуров спросил, какой предмет преподавала Анна Георгиевна.

– Предметы, голубчик. Поселковая школа, к тому же на несколько населенных пунктов, все мы тут многостаночники. Биология, химия, русский язык и литература.

– Вот это да! Впечатляет, – признал Крячко.

– Благодарю вас.

– А вот, к слову, не помните, как успевала по химии Лайкина? – спросил Лев Иванович.

Впервые за время дружеского саммита суровая Анна Георгиевна обнаружила чисто человеческие черты. А именно: чуть не хмыкнула.

– И помнить нечего, голубчик. Никак. Полный ноль, а то и минус сто. Не по ее умишку эта наука.

– А Денис? – спросил Крячко. – Он же работал на пиротехническом заводе?

– А он как раз отлично знал химию, проявлял большие способности. Знаете, однажды умудрился мне итоговую написать на четверку, хотя всю четверть прямо-таки откровенно бездельничал. Я его спросила наедине после уроков: «Как, Романов, неужели за ночь все выучил?» А он: «Так вы ж меня попросили перенести плакаты из учительской, я и запомнил». Увы, несмотря на то что великолепно окончил одиннадцатый класс, зачем-то отправился в техникум.

Поговорив на нейтральные темы, допив чай и кофе, уточнив, можно ли будет при необходимости выяснить кое-какие детали, распростились.

В машине некоторое время ехали молча, потом Станислав признал, что готов уже держаться официальной версии:

– Чем городить огород с телефонами-убийцами, проще согласиться на взрыв самогонного аппарата. Опереться особо не на что, одни допущения, причем свободные. Не пил – а может, и пил, но стеснялся, и потому этого никто не видел. Романы на стороне – нет-нет, что вы, а впрочем, кто знает...

Гуров заметил:

– Мне этот местный колорит тоже уже поперек глотки. Но вот что хочешь делай, а как тут успокоишься, если менее чем в полусотне километров от Москвы обычные тетки, возвращаясь с ребенком с прогулки, подбирают телефоны, начиненные неизвестной взрывчаткой?

– Гришин говорит: смежники из ФСБ по делу не работают, – едко напомнил Крячко, – ну а мы с тобой, два старпера-полкаша, снова мы самые умные, и больше всех нам надо.

Он покосился на коллегу, тот лишь глазами показал: рули, мол, внимательнее.

– Да понял, понял. Согласен, конечно, все как всегда: никто, кроме нас.

– Именно. Мы мужики и должны, – усмехнулся Гуров, – только ведь и самому-то тебе как, все в этом деле кажется кристально ясным?

Глава 8

– Что, хуже нет, когда дело представляется таковым? – с шутовским выражением заметила Мария, как бы равнодушно щелкая по экрану смартфона.

– Дорогая, двойка тебе по основам, – с удовольствием парировал супруг. – Как может дело о взрыве быть рядовым? В любом случае имеются: тушка от дорогого телефона, набитого взрывчаткой, формула которой не походит на состав общеизвестных адских смесей.

Новшество!

– Ну а почему бы не обратиться к версии о том, что изобрел его гениальный химик, покойный Денис, и что-то пошло не так? – Мария даже изобразила потирание ручек. – Как мило-то! Смотри, какой поворот: милый голубоглазый мальчик с гагаринской улыбкой оказался исчадием ада. Изобрел супермегагексаген...

Лев Иванович загадочно улыбнулся:

– Представь себе. – И, напомнив самому себе папашу Мюллера, победоносно закончил: – Холодно!

...На самом деле тяга к упрощению присуща не только талантливым актрисам, и опытный сыщик Станислав был не прочь дежурно размечтаться.

– Ох, Лева, не скрою от тебя: я готов предположить, что это Романов по старой памяти приревновал свою разбитную, много повидавшую супругу...

– Тогда все замечательно сложилось бы.

– Талантливый химик, к тому же имевший опыт работы и с электроникой. Чего ему не смастерить взрывное устройство, замаскировать как следует, памятуя о слабости благоверной к элементам сладкой жизни...

– ...настроить так, чтобы сработало от нажатия золотой кнопки, – в тон продолжил Гуров.

– Красиво же.

– Нет, мне-то лично импонируют твои построения, – утешил Лев Иванович, – но все портит то, что эксперты подтверждают: он погиб в эпицентре. То есть, во-первых, придется допустить, что умница Романов – круглый идиот, сам нажал кнопку-взрыватель, во-вторых, своей гибелью обогатил неверную жену на целую квартиру.

– Почти целую, – вьедливо поправил Станислав, – ну вот просто не успел укрыться от взрыва.

И все-таки, как ни упрявился, признал:

– Но на кнопку-то нажал.

– Нажал.

– Знал бы, что за телефон в руках, – вряд ли нажал бы. Что за самурайское самосожжение? Кому что докажешь у нас, в средней полосе, этими демонстрациями...

– Ничего.

– И квартира, это да. Ломает стройное повествование.

– А что говорит тебе сыщицкая интуиция? – поинтересовался Лев Иванович. – Не то ли, что молодая вдова страдает, не притворяется?

– Чего ж не страдать? – отозвался Станислав. – Как раз очень просто. Все-таки была красавица, а тут лицо разворотило, глаза нет – при таком антураже не надо быть актером, чтобы правдоподобно изобразить скорбь и сокрыть радость от получения наследства.

И все-таки снова Крячко был вынужден признать:

– Прав ты, Лева. К тому ж я забыл сообщить насчет Дениса: обыскали наши не только квартиру Романова, но и сарай на огорожке, и на фабрике обшмонали шкафчик-локер со спец-одеждой и прочим.

– Натурально, пусто.

– Абсолютно. Никаких следов. Я-то, грешным делом, думал: ведь уволили его с фабрики, обвинив в том, что несун – ан нет. Все как один, что руководство, что сослуживцы, с негодованием отмечают: честнейший человек. Кристалл, а не душа. Его все любили, денег собрали на похороны и прочее, выписали матпомощь... матери.

– Итак, покойник чист и непорочен.

– К тому же мертв именно он...

– Да, это довод.

– Железный.

– Поэтому вернемся к Нине. Она-то жива, к тому ж порядочная прохиндейка, бывшая любовница загадочного Тротила, то есть чисто гипотетически, даже будучи неосведомленной в химии, могла, задумав жуткую расправу над неверным любимым...

– А вот тетки утверждают, что ничего не было, – встрял Крячко.

– Тетки – аргумент, но не железный, – заметил Гуров.

– Тоже мне, людовед! Да теток хлебом не корми, а вот подай для поднятия своей значимости соврать, что знают больше других. И если даже они ничего не говорят плохого ни о ней, ни о нем, – то и не было ничего.

Лев Иванович, избалованный общением с исключительно умными дамами, не ощущал уверенности оппонировать. В такого рода вопросах Станислав понимает больше.

– И все-таки представим, что Нина – из ревности или корысти – задумала расправу. Далее, задействовав старые связи, скажем, наработанные со времен общения с загадочным Лёлей Тротилом, смогла найти умельцев, соображающих во взрывчатке, или купила готовую. Нет, – оборвал Гуров сам, не дожидаясь вмешательства коллеги, – никуда не годится.

– Абсолютно, – удовлетворенно подтвердил Крячко, – слишком много коли да кабы, множество предположений, мало мотивов и фактиков. А значит...

В этот момент запиликал телефон: Гурова уведомили, что готовы результаты по картеке.

– А значит, надо доехать до конторы и изучить то, что практически бесспорно, – подвел черту Лев Иванович.

...Данные, полученные из картотеки, вызывали искреннее недоумение, если не сказать – недоверие. Такого быть не может. Осмысление требовало паузы. К тому же некоторые слабости и склонность к спецэффектам имеют и профессионалы. Поэтому Лев Иванович изучал данные по Нине Лайкиной, она же Романова, с непроницаемым лицом, не говоря ни слова. Ну, свою роль сыграла и текучка, наведались один-второй-третий «за справочкой», Верочка в очередной раз принесла на крыльях эхо недовольства любимого командования. В общем, спокойно поговорить удалось уже к вечеру.

– Ну сдаюсь, сдаюсь, – великодушно заявил Крячко, – ты меня перемолчал. Что там интересного пишут?

– Сейчас, пять секунд, – рассеянно отозвался Гуров, перечитывая и делая пометки.

Дисциплинированно подождав даже больше, чем было заявлено, Станислав напомнил:

– Лева, если ты завершил урок чистописания...

– Для тебя же стараюсь.

– Пометочки для неграмотного или слепого? Или там вообще вся история, от Адама? Так много?

– Да нет. Всего три эпизода.

– Как это – три?! Откуда три? Ты о чем?!

Коллега вместо ответа протянул бумаги. Несмотря на выказанное недовольство, Крячко начал изучение именно с помеченных гуровским «Паркером» фрагментов. И по мере того как информация усваивалась, некрупные Стасовы глаза все расширялись и расширялись, пока наконец не вышли далеко за рамки, назначенные природой.

И немудрено.

Из текста следовало, что простенькая, особо ничем, кроме внешности, не выдающаяся Нина Романова, урожденная Лайкина, за свою относительно краткую жизнь стала жертвой взрыва в четвертый раз.

Впервые это случилось на рынке одного из южных приморских городков. Происшествие, по факту которого было возбуждено уголовное дело по статье 205 Уголовного кодекса «Террористический акт», потрясло всю Россию, далеко за пределами региона. И Нина, тогда еще Лайкина, стала одной из пострадавших. От взрыва адской машины, уложенной в обычную хозяйственную сумку, с которой в былое время крейсировали из Турций-Китаев так называемые челноки, погибло двенадцать и было ранено около ста человек – местных и приезжих. В числе последних оказалась и Лайкина, выбравшаяся на отдых к морю.

Самая обычная случайность номер один.

Прошло около полутора лет, как произошло следующее чэпэ, причем рвануло в лифте единственной девятиэтажки в поселке, новехонькой, недавно отстроенной. Из текста было непонятно, что конкретно Нина – теперь уже Романова – делала в этом подъезде. Сама она лаконично пояснила, что направлялась в гости в однокласснице. (В подъезде в самом деле проживала ее однокашница, и не одна.) Женщина подошла к лифту, нажала на кнопку – тут и грянуло. Ее отбросило взрывной волной, она скатилась вниз по лестнице, но снова чудом уцелела, отделалась лишь легким сотрясением мозга, что на общем фоне прошло практически незамеченным.

В третий раз, полгода назад, рвануло в ветхом сарае, установленном на огородном участке Романовых. Свидетели показали, что супруги пришли вместе с инвентарем окучивать картошку, но Нина пошла напрямиком на место, а отзывчивый Денис зашел на соседнюю «улицу», попросил пособить знакомый дед – и снова грянуло. На месте взрывотехники обнаружили классическую «пензионерскую» растяжку, которая срабатывала, стоило коснуться замаскированной проволоки. Тогда из Нининой ноги извлекли несколько острых железных пластинок – и снова каким-то чудом удалось избежать не просто гибели, но и серьезных травм. Даже колено сгибалось по-прежнему. А вот кто установил эту «замечательную» конструкцию, вновь осталось неизвестным.

Наконец, после троекратного чудесного спасения, когда, казалось бы, самое время успокоиться и уверовать в свою счастливую звезду, несчастная женщина снова оказывается в эпицентре взрыва. И теперь ей везение изменило, горе настигло беднягу теперь уже в собственной квартире, потеряла и мужа, и здоровье.

– Даже не знаю, повезло ей или напротив, – заметил Станислав, завершив чтение, – может, ценой глаза избежала чего похуже?

– Старый ты софист.

– Ладно тебе. – Было очевидно, что упрямый полковник если не изменил своего мнения о пострадавшей Романовой, то начал относиться к ней с куда большим сочувствием.

– Это все философия, – задумчиво произнес Гуров, – по мне, так многовато роковых стечений для матери простого семейства. Телефон Нины уже прослушивают?

– А то как же.

В течение следующих нескольких дней шла спокойная, скрупулезная работа, начало которой было положено на кухоньке старой учительницы Анны Георгиевны. Биографии и покойного Дениса, и Нины проверялись с особым тщанием.

Нельзя сказать, что это была трудная задача: тот же Романов, исключая службу в армии, из поселка не выезжал, среднее специальное образование получил практически тут же, в училище ближайшего города. Даже трудовой путь Дениса ограничивался двумя имеющимися в Мокше производствами.

Памятуя о том, что, если все очевидно и сходится, значит, ошибок две, полковники вежливыми вампирами впились в местных оперов, требуя мельчайших подробностей увлечений, пристрастий, привычек потерпевшего. Им недостаточно было обычных справок из нарко- и психоневрологического диспансеров. Сыскари жаждали деталей. Но снова пусто: ни Денис, ни даже Нина не имели не то что судимостей, но и приводов.

Не было ли у положительного Дениса склонностей к злоупотреблению пиротехникой? Нет, он болезненных пристрастий к громким развлечениям не имел. Не увлекался ли он химическими опытами сверх меры? Нет, трудился в строгом соответствии с должностными обязанностями, не цеплялся к пиротехническому производству, ни разу не выказывал сожаления в том, что пришлось уволиться.

Что насчет Нины? Возможно, у нее проявлялись какие-то нетипичные склонности, ну, там, лопать чужие воздушные шарик или хоронить хомяков с церемониями? Нет и нет.

Глава 9

...Мария, совершая локальное преступление – перегревая в руках бокал с французским вином, – заметила:

– Левушка, критика принимается?

– От тебя, любимая, – что угодно.

– Не кажется ли тебе, что замечания Анны Георгиевны о том, что Нина не блистала талантами, и к химии тоже, было бы достаточно, чтобы исключить версию о ее причастности к взрыву? Я, допустим, не химик, не физик, но просто здравый смысл восстает против того, что умом не блещущая, ничем не примечательная дамочка могла смастерить бомбу.

– Согласен.

– И тем более рассчитать время взрыва – насколько я могу судить, на это способны только настоящие профессионалы-подрывники, а не поселковые вертихвостки. Или нет?

– Разумеется, это непросто, требует серьезных мозговых ресурсов, – согласился Лев Иванович, невинно извлекая из бара еще и себе бутылочку.

– Ах вот оно как – Мария отобрала посуду, придирчиво осведомилась: – В таком случае вопрос, господин полковник: зачем так долго возиться с несчастной девчонкой? Понятно же, что не она.

– Неужели? – со змеиным коварством уточнил супруг. – А кто, дорогая, любимая и сверх-разумная супруга, притащил домой единственный предмет, имеющий в себе следы взрывчатки, – заметь, неизвестной? Кто остался живой?

– Нина, – согласилась жена, но тотчас нашлась: – Ну мало ли! Подозревать ее только потому, что не везло ей постоянно оказываться в ненужном месте, в ненужное время – у каждого свое счастье, несчастье.

– Не бывает таких совпадений.

– Лева, имей совесть. Ты еще скажи, что это она устроила теракт на том южном рынке.

Супруг успокоил:

– Нет, там сто процентов не она. Не переживай так уж за нее, по тому делу уже отработали, приговор вынесен. Итак, мы выяснили, как телефон попал на кухню к Романовым.

– Так, – кивнула Мария и тотчас перескочила на другое: – а, кстати говоря, кто такой Лёля Тротил? Милое имя, говорящая фамилия.

– Да.

– Так кто это? Или вы с Крячко успокоились на том, что в картотеке ничего нет – стало быть, и в реальности не имелось?

«Ну да, как же».

...Поскольку в картотеке не оказалось данных, пришлось обратиться к альтернативным, оперативным источникам, пожертвовать несколькими честно выслуженными свободными вечерами. И скрепя сердце нанести визит в пару высоких кабинетов.

– Добрый день, господин полковник. Прошу вас, присаживайтесь, – пригласил улыбчивый референт, почтительно пододвигая кресло, – Андрей Васильевич скоро вернется со Старой площади.

– Давненько мы с вами не встречались, – заметил Лев Иванович, игнорируя низкое кресло, устраиваясь на куда более высокий стул, – да и мне, если правду говорить, больше вы нужны.

Улыбка референта не то что не погасла, но стала еще более лучезарной.

– Так я всегда в вашем полном распоряжении.

Это не фигура речи, не преувеличение из вежливости, спокойная признательность. Некоторое время назад этот не старый еще человек умудрился попасть в премерзкую историю,

которая могла вылиться в длительное тюремное заключение, ни много ни мало – за госизмену. Лишь по чистой случайности сложилось так, что Гуров параллельно занимался реальным виновником того, что стратегически важные разработки по дороге к конечному адресату заворачивали налево. Его установили, в результате комплексной, совместной, филигранной операции обезвредили, одновременно вскрыв разветвленную сеть... ну, по сути, предателей. Рановато списали в архив всеобщую бдительность.

Этот же ныне сияющий товарищ оказался в роли стрелочника, старательного исполнителя. На его счастье, мозгов у него было достаточно для активного покаяния. На его же удачу, у полковника Гурова не было доказательств того, что он, стрелочник, осознавал происходящее в полной мере. Плюс ипотека, трое детей и жена – инвалид второй группы. Конечно, абстрактное человеколюбие операм-важнякам несвойственно, но не закапывать же живьем за необдуманный, не повлекший серьезных последствий поступок. А вот осведомитель в одном из высоких кабинетов никому не повредит.

Никто не заблуждается, наверняка услугами этого осведомленного товарища пользуются не только сыскари, но это как раз не важно, главное – получать ответы на поставленные вопросы.

Вот как сейчас.

– Вы знаете, удивительные бывают моменты, – светски заметил Лев Иванович, – некоторые лица... весьма важные, можно утверждать, что ключевые, по каким-то неясным причинам не оставляют следов в фиксируемой действительности.

Улыбка референта стала до такой степени сладкой, что на нее можно было бы отлавливать домашних паразитов. Уж кому, как не ему, знать, как часто подобное бывает.

– Неужели такое возможно?

– А вот представьте себе.

– Трудно представить, но если вы, Лев Иванович, можете назвать какие-то идентифицирующие признаки...

– Смогу, – подтвердил Гуров, – пусть и немного. Интересует некий Лёля по кличке Тротил, локация – поселок городского типа Мокша, порядка сорока километров от Москвы...

– Сорок пять, на северо-восток, – педантично уточнил референт, – что ж, буду рад повредить все, что известно.

– Фото? Биография?

Информатор лишь всплеснул пухлыми, ухоженными руками:

– Увы. Строго законспирированная особа. Была.

– Точно была?

– Была, была, – заверил он, – личность не мифическая, уверяю, но по-своему легендарная. Основное направление: поставки взрывчатых веществ, причем, если можно так выразиться, исключительно по задачам.

– Что это значит?

– Излагается конкретная задача, описывается в деталях объект, кхм... посягательства, понимаете ли.

Гуров заверил, что все кристально ясно.

– Ну и оговоренным способом осуществляется поставка. И схема, как бы это точнее сказать, старошкольная: сам исполнитель на людях не появлялся.

– Как же заказы принимал? – усмехнулся Гуров. – С нарочным? Или по голубиной почте?

– На пейджер.

«Это многое говорит о данной личности. Как минимум то, что человек был со связями и понимал преимущества отсутствия радиоволн, и практически полной невозможности обнаружить носителя машинки на поясе. Хорошая штука».

– Если желаете, вот номер. – Референт, сверившись со своим старым, солидно потертым органайзером, записал на листке цифры.

– Ну, Лёлочка, что Лёлочка? – нетерпеливо прервала Мария. – К чему носиться с тем, от кого и пылинки не осталось? Столько лет прошло, кто станет тратить время и взрывчатку на простую, несчастную девчонку, давно порвавшую с преступным прошлым?

– Более того, – подхватил супруг, – на то, чтобы целенаправленно проследить за ее перемещениями, рассчитать время, маршруты?

Помолчали. Гуров откровенно любовался тем, как на красивом лице супруги вспыхивали и затухали самые разнообразные идеи.

– А что, если телефон был предназначен не Нине? – наконец выдала она версию.

– Кому же?

– Ну, к примеру, какому-нибудь коллеге покойного Лёли. Скажем, местечковые бандитские разборки...

– Хотелось бы мне своими глазами в реальной жизни увидеть авторитета, ходящего ножками и разъезжающего на электричках, – мирно, но не без сарказма помечтал супруг, – и потом, заряд все-таки относительно небольшой мощности. Вспомни анекдот из девяностых, про киллера, кило тротила и то, что номер квартиры не нужен.

– Не помню, – усмехнулась жена, – это вообще вне сферы моих интересов. Ну а если, скажем, речь идет о каком-нибудь воре в законе? По закону жанра прямо-таки обязан иметь место тихий старичок, разводящий тыковки-помидорчики на своем огорожке, а другой парой рук – творящий самые темные и ужасные дела.

– Отличная мысль, – похвалил полковник, – правда, ни местные жители, ни наша родная агентура не докладывали о том, что тут имеется нечто подобное.

– Однако нельзя исключать, что они сами не в курсе.

– И это возможно. Вот подобный персонаж обитает где-нибудь на дачах, коих множество на горах и пригорках этой самой Мокши. Поэтому пришлось начать операцию «Чёс».

Глава 10

– Ну-с, продолжим наши игры, – открыл собрание полковник Крячко.

Лев Иванович, демократично устроившись на стуле в сторонке, осматривал рабочие руки и головы, оставшиеся в их распоряжении. Дело было в том, что смешанную следственную группу по факту взрыва еще не расформировали, хотя и поредела она знатно. Толкового, пусть и угрюмого Рожнова изъяли, перекинули на другие фронты, собранных было толковых оперов отозвали тоже на более осязаемые дела. Итого в сухом остатке: два совсем зеленых стажера, не повизгивающие от нетерпения, но на удивление готовые к свершениям, и два местных опера хорошо за сорок. Видно, что хитрованы, достаточно умные для того, чтобы не зевать при руководстве.

Гуров философски рассуждал, что руководству, конечно, виднее: «Раз уж в поселке населения кот наплакал, то вот этих калек довольно. Что ж, сыграем тем, что на руках».

Крячко между тем продолжал:

– Итак, господа, задачи у нас с вами масштабные и нудные...

Взметнулась рука одного из «пионеров»:

– Нужные, господин полковник?

Станислав покладисто согласился: да, и это тоже.

– Прежде всего необходимо проработать подход к станции. Выявить и тщательно проработать всех тех, кто регулярно отправляется к платформе и возвращается обратно...

– Позвольте вопрос, – встрял один из стариков-оперов, Сафонов, – какую именно дорогу будем исследовать?

– Их много? – высокомерно спросил Крячко.

Минуту назад он был уверен, что коль скоро через дорогу, что отделяет поселок от железнодорожных путей, через шоссе идет лишь один пешеходный переход, то и дорога одна.

– Минимум три, – сообщил старый хитрован номер два по фамилии Зайченко, – и еще надземный переход. Пусть им мало кто пользуется...

– Неудобно подниматься по ступенькам, – дополнил Сафонов, – да и пошаливают в темное время.

– Приятно придавить старших местным материалом, понимаю, – кивнул Крячко, – раз вы так настаиваете, уточню: вам известно, какой дорогой шла в день происшествия Романова? Вот и отработайте этот маршрут, а остальные носом рыть необязательно.

– Хорошо, – покладисто кивнул Сафонов.

Что ж, и то хлеб. Быстро соображает, не выпендривается, не цепляется к пустякам. Вообще этими двумя полковники были довольны. Хитрованы хитrovанами, но работали на совесть, а то и с перевыполнением.

Быстро, споро отработали полигон, склады завода пиротехники (пусто). Получив задание прочесать воинские части на предмет фиксации пропаж, хищений взрывчатых веществ, несанкционированного доступа на полигоны и прочее, они управились без лишних вопросов и нытья. Причем прихватили не только три части на территории городского округа, но и еще две, прилегающие к границе района. И снова пустота – ни по официальной линии, ни по неофициальной (мало ли, кому рыбу глушить, оба опера были, как выяснилось, в полной гармонии с командным составом), – и снова ничего. Пусто. Ни пропаж, ни хищений не выявлено.

Станислав Васильевич, критически осмотрев личный состав еще раз, нашел, что необходима еще большая конкретизация:

– Ваша задача: установить всех граждан, которые имеют обыкновение ходить этой дорогой на станцию или возвращаться с электрички. Не просто установить, но и составить списки, выявить связи с семейством Романовых – в общем, пропустить через дознание. Подчеркиваю

еще раз, жирными двумя чертами: нужны те, для кого именно этот маршрут являлся повседневным!

– Для подобной работы людей маловато, – резонно заметил Сафонов.

– Немного, – согласился Станислав, – зато все мы тут редкие молодцы, знакомые с местным населением да колоритом. Я ничего не упустил?

Сафонов ухмыльнулся, Зайченко пожал плечами.

– Вы же не просто так включены в группу, и работники вы опытные – вот и присмотритесь: кто из простых смертных мог бы заинтересовать загадочного бомбиста. Всего-то три тысячи населения, исключаем инвалидов, стариков и детишек...

– Почему три-то тысячи? – почему-то удивился Сафонов. Нет, все-таки цепляется к мелочам.

– Хорошо, пусть будет две тысячи восемьсот, – поправился Крячко и хотел добавить кое-что по сути, но Зайченко пояснил:

– Товарищ полковник, мы не давим местным материалом, но объективно имеется еще порядка двадцати тысяч с той стороны канала.

Гуров, одернув запыленную шторку, взгляделся в карту на стене, Крячко, сдвинув брови, пытался уразуметь ход мысли.

– С той стороны канала, говорите? Двадцать тысяч дачников, которые пользуются мокшанской станцией?

– Там множество коттеджных поселков, – уточнил Сафонов, – в основном для постоянного проживания.

– Если коттеджные поселки, то подразумевается определенный уровень благосостояния, – заметил Лев Иванович, – обитатели коттеджных поселков предпочитают личный автотранспорт.

– Далеко не все, – возразил Зайченко, – множество там любители электричек. Пробки, знаете ли.

Крячко еще раз глянул на карту:

– Допустим. Что там ходит, маршрутки, автобусы?

– Ходят, – подтвердил Сафонов.

– Мост через канал километрах в десяти от вашей Мокши, – Станислав повел пальцем, – уже на следующей станции, как ее... Осинки. Зачем тем, что с той стороны, ваша платформа? Они садятся на маршрутку, доезжают до Осинок...

Эти местные как-то издевательски переглянулись или показалось?

– Сейчас поясню, это просто, – деликатно влез Зайченко и, подойдя к карте, принялся аккуратно, не прикасаясь к бумаге, водить карандашом: – Возьмем, например, вот тут, – обвел населенный пункт по ту сторону канала, – это село Игнатово. Если из него ехать на маршрутке до Осинок, – опер провел условную прямую по дороге, которая шла вдоль того берега, – упираешься в бетонку А – сто семь, потом в мост через канал, потом во второй мост, перекинутый через железную дорогу.

– И что же?

– Тут всегда пробки, поскольку дважды сужение. Таким образом, до станции Осинки ехать не меньше часа, а до Мокши – десять минут.

– Да каким же образом? – нетерпеливо спросил Стас. – Вплавь через канал?

– Зачем? – безмятежно отозвался Зайченко, аккуратно кладя на место карандаш. – По мосту.

– Нет тут моста, – напомнил Гуров, постучав по карте, – ближайшие мосты вы сами показали, в Осинках.

Опер, снова подняв карандаш, провел линию прямо по каналу:

– Вот шлюз, над нижними воротами которого перекинут мост неофициальный. Вот и доезжают до Игнатова, тут, – указал на какой-то пяточок, – бросают машину и через мост, пешочком через канал. Минут пять-шесть – и вы на станции.

– Прямо по шлюзу? – переспросил Крячко, полагая, что ослышался.

Зайченко пожал плечами:

– Чего нет-то? Этим путем все пользуются, кто проживает на другой стороне канала, в соседнем районе.

Тут у Льва Ивановича, человека разумного, бывалого, ко всему привыкшему, перед глазами несколько потемнело. Он припомнил это гидротехническое сооружение, прикинул, каков может быть перепад высот. Ужаснулся. Получилось около десяти метров. По всей видимости, нечто подобное маячило перед мысленным взором Крячко, поскольку он тихим, каким-то богобоязненным голосом спросил:

– Ну так-то там охрана есть или пропускная система?

– Сеточка натянута по всей длине, – сообщил Сафонов.

– Сеточка, вот как, – проговорил Станислав, – мостик проходной, по которому кто угодно может пройти, а внизу кораблики, ворота шлюза, питьевая вода для всей Москвы...

– ...а неподалеку откуда-то берется и взрывается бомбочка, невесть кем подброшенная, – завершил мысль Гуров, – ну это премило.

– Чтобы взорвать шлюз, ста грамм тротила недостаточно, – вставил Зайченко.

Крячко, как бы не слушая, продолжал камлание:

– Полиция и ФСБ на усиленном режиме, проверяют пакетики с соком и сигаретные пачки, а тут кто угодно ходит над стратегическим сооружением...

Старожилы явно недопонимали, чего это варягов так восхищает или возмущает:

– Так последние лет тридцать ходят. Привыкли. Это самый быстрый и удобный путь от железнодорожной платформы до дома. Иначе люди были бы вынуждены добираться в объезд на автобусах, а это траты времени...

– Это железный аргумент, – вежливо, но не без сарказма поддакнул Гуров.

Он вспомнил, как главу Рокотова потрошили всем народом – не потому ли, что прошел слушок, что этот возмутительный мост наконец прикроют?

– Все, все, – призвал Стас к порядку, – в самом деле, не наша печаль. В данном случае от крупномасштабного шухера с просеиванием народа по обе стороны канала нас избавляет лишь то, что сто граммов тротила – это ни о чем. С таким объемом теракт не устроишь.

Гуров утешил:

– Станислав Васильевич, мы обязательно вернемся к этому вопросу в свое время. Теперь давайте сосредоточимся на нашей операции. Итак, просеиваем только тех, кто обычно ходит по той же дороге, которой следовала гражданка Романова. По эту сторону канала, – уточнил он, подняв палец, – ясно?

Те подтвердили, что вполне.

– Следующий момент – военкоматы. Это, господа, возьмете на себя вы.

У стажеров, к которым было адресовано данное задание, заметно вытянулись физиономии. Видимо, надеялись на какое-то особое сверхзадание, которое позволит раскрыть им свои сверхталанты. Старый же полковник бессердечно развеял эти чаяния:

– Шагайте в горвоенкомат, истребуйте списки всех жителей поселка, которые проходили или проходят службу, служат по контракту, задействованы в СВО. Интересуют все люди, которые имели дело с взрывчатыми веществами. Еще раз повторяю: всех. И те, которые в настоящее время проживают в Мокше, и выехавшие куда-либо. Особое внимание обратить на тех, которые в настоящее время находятся именно на службе, и приезжавшие на побывку. Далее схема такая же: после того, как списки будут сформированы, будем каждого проверять на причастность... вопросы?

Таковых не оказалось.

– Если все ясно, приступайте.

Опера и стажеры удалились. Крячко, отлучившись в уборную, вернулся и спросил:

– Лева, это ты Зубкова вызывал? На что?

– Я его вообще не вызывал, – возразил Гуров, – а что, сидит?

– Да вот он. – И полковник, демократично посторонившись, пропустил в кабинет участкового.

Крячко, глянув на коллегу, чуть заметно подмигнул, сказал: «Я за минералочкой». И ушел.

Глава 11

– Я к вам пришел, – сообщил Зубков.

– Хорошо, только что так поздно? Я, признаться, думал, что ты сам себя на планерку пригласишь.

– Я в группу не вхожу.

– С каких это пор тебя это останавливает? – проворчал Лев Иванович. – И так понятно, что работать припрягут, не лучше ль сразу.

Участковый испытующе поглядел на него, точно ожидая какого-то подвоха. И, не обнаружив его, хмуро начал:

– Вы давеча ребят отправили прочесывать путь, по которому люди на станцию ходят.

– И что?

– А по какую сторону канала?

Гуров почувствовал жгучее, ни с чем не сравнимое желание взять его за ухо, как следует оттрепать, а потом и выпороть.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею в виду, господин полковник, – ничуть не смутившись, ответил участковый, – надо прочесывать по ту сторону, не по эту.

– Почему? – процедил Лев Иванович, который уже отлично понимал, к чему дело идет.

– Потому что в тот день Нина следовала с той стороны канала и шла не на станцию, а через нее, домой.

Хорошо все-таки быть полковником, с устойчивой психикой, опытом и умением душить прекрасные порывы. Лев Иванович посулил мягко, без сердца и даже не без кротости:

– Участковый Зубков, я на вас рапорт подам.

– Как вам будет угодно.

– Но об этом позже.

Лев Иванович, выйдя в коридор, позвонил Станиславу и, кратко обрисовав ситуацию, попросил скорректировать задание Зайченко и Сафонову.

– Он жив, Зубков-то? Или помочь труп спрятать? – деликатно поинтересовался коллега и, получив заверение, что пока да и еще не надо, попрощался.

Гуров, вернувшись в кабинет, молча указал участковому на стул. Тот чинно уселся, пристроив на пол древний, выдавший виды брезентовый рюкзак, на котором было чернильным карандашом выведено: «ДМБ». Полковник, усевшись за стол, внимательно просматривал документы, делая ничего не значащие пометки.

С одной стороны, этому нахалу будет полезно помариноваться, грехи свои припомнить, с другой – в данном случае нет правильного начала для разговора. Не влепишь же прямо в лоб: какого черта ты, негодяй, замалчиваешь факты? Допустим, не обязан был рассказывать про бурное прошлое своей старой приятельницы – мало ли, кто куролесил по юности.

Однако почему сразу про маршрут не сказать, если он был тебе известен?! Ведь чудом едва-едва не обернулся чёс фарсом. Маялись бы дурью невесть сколько и занимались бы бесполезными делами и без того дефицитные люди.

«Что это? Дурость, саботаж – или что похуже?»

Однако Зубков вел себя далеко не так, как должен вести себя порядочный человек с нечистой совестью. В порядочности этого отдельно взятого человека, пусть нахала бесцеремонного, Лев Иванович не сомневался. Никаких оснований для этого не было, ни объективных, ни субъективных.

– Ну что ж, оставим. Раз ты все равно тут, поставлю тебе, Сережа-участковый, чисто местную задачу.

– Какую же? – нерадостно спросил Зубков.

– Меня интересуют охотники, браконьеры. Не откажусь от пироманов, любителей фейерверков, сигнального оружия и прочее.

– Такого рода в поселке немного, – заметил участковый, – местным на работе бабахов довольно, шалят в основном дачники, и то – не постоянно проживающие, а приезжие, сезонные.

– То есть не дашь информацию.

– Дам. Но куда более полезную. Есть иного рода предложение, товарищ полковник.

– Господин.

– Да, Лев Иванович, – этот парень поистине оборзел и совершенно нюх потерял, – такого рода соображения: не потрясти ли черных копателей? У нас тут как раз рубеж проходил, с полей до сих пор поднимают. Вот с месяц назад пацанята, шестнадцати и семнадцати лет, приперли в родительский сарай мину...

Гуров, забыв на минуту о том, что надо бы голову отвинтить нахалу, уточнил по делу:

– Какой сарай? Уж не твои ли гаражи на задах поселка?

– Они, проклятые. Рассадник проблем. Да, так вот мина возьми и рвани, и сарай разнесло, и сами чудом целы остались, до сих пор свечки ставят – неясно, как выжили.

– А сараю, я так полагаю, капут?

– Сарай с краю стоял, с другой стороны заброшенный. Потому и скандала не вышло, – свободно сообщил участковый.

– То есть как это – не вышло? В сводки не попало? Взрыв в общественном месте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.